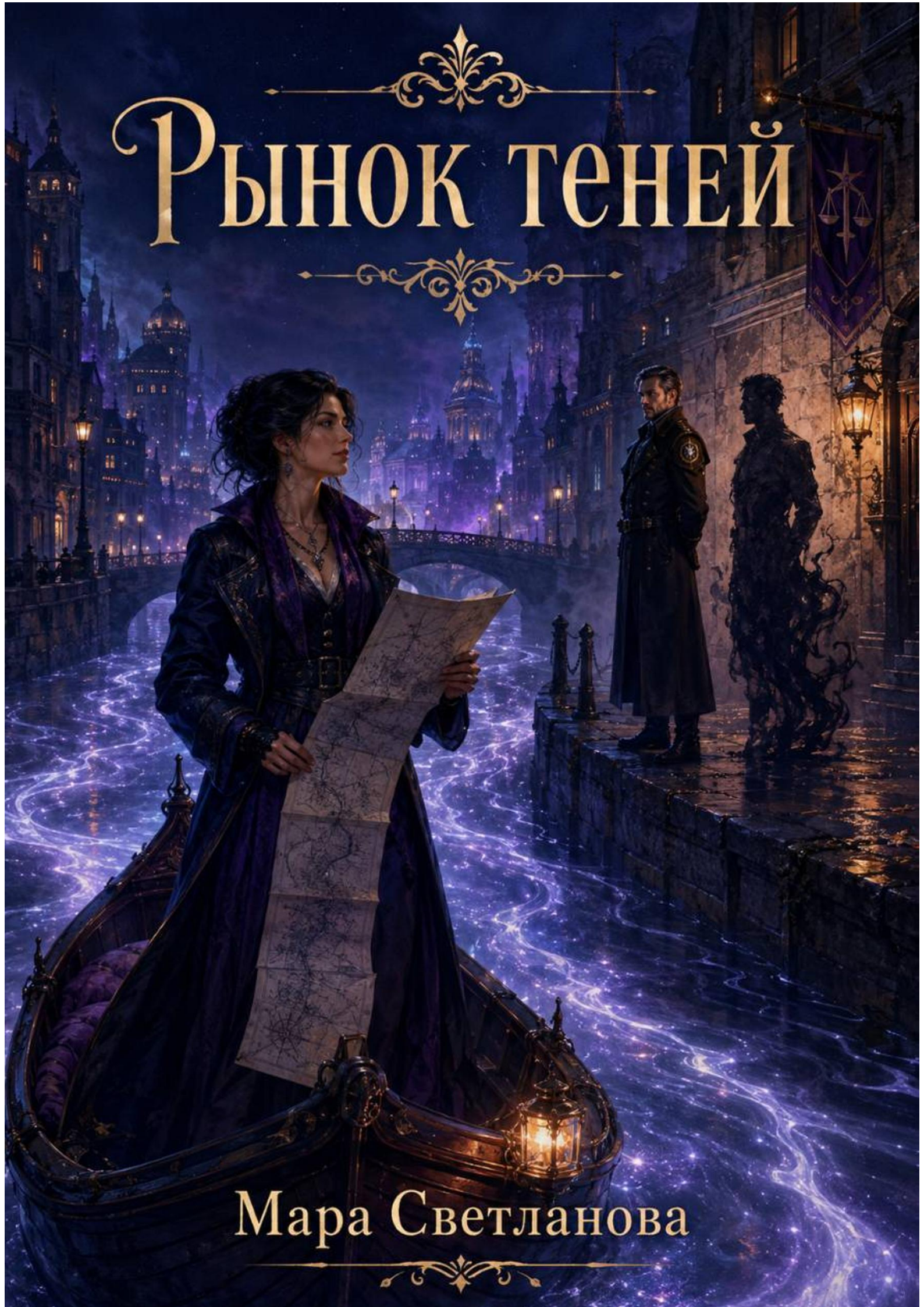

Рынок теней

Мара Светланова

Мара Светланова

Рынок теней

«Автор»

2026

Светланова М.

Рынок теней / М. Светланова — «Автор», 2026

В Лирране запрещены тени: считается, что они крадут секреты и продают их ночному рынку. Лоцманка Вея Ладор проводит лодки по рекам чужих снов и за каждый маршрут расплачивается одной приметой дороги домой. Когда рынок выставляет на продажу часть её карты, Вея узнаёт: городской запрет защищает не людей, а тех, кто превратил чужое молчание в товар. Её вынужденный союзник — инспектор Тарен Вель, чья собственная тень три года назад предала его и исчезла. Но чем ближе они подходят к хранилищу, тем яснее Вея видит: Тарен умеет спасать, всё ещё решая за других, какую правду им безопасно знать. Чтобы закрыть рынок, Вее придётся отказаться от исключительного пути домой и создать правило, которым никто не сможет владеть единолично. А доверие к Тарену возможно лишь там, где просьба не становится приказом, близость не отменяет границ и каждый берег вправе не ответить.

© Светланова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Город в полдень без теней	6
Глава 2. Инспектор у колодца сна	13
Глава 3. Секрет на один просмотр	21
Глава 4. Типография без ламп	29
Глава 5. Семь полос домой	36
Глава 6. Тень, которая предала	43
Глава 7. Право не освещать лицо	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Мара Светланова

Рынок теней

От автора

У каждого человека есть то, что он не обязан рассказывать. Но тайна перестаёт быть свободой, когда право хранить её выдаёт учреждение, а цену молчания назначает рынок.

Эта история родилась из вопроса: что случится с городом, который запретит тени ради безопасности и тем самым отдаст кому-то власть над всем невысказанным? Здесь сны становятся реками, секреты — товаром, а дорога домой существует лишь до тех пор, пока человек помнит, что именно делает место домом.

Это роман о взрослых людях, которым недостаточно признаться друг другу. Им придётся вернуть контроль тем, кого они когда-то пытались защитить без согласия, научиться спрашивать прежде, чем спасать, и доказать перемены поступками. Пусть ночной путь по этой книге окажется достаточно тёмным, чтобы различить собственную тень, и достаточно ясным, чтобы не принять её за хозяина.

Глава 1. Город в полдень без теней

В полдень Лирран не отбрасывал ни одной тени.

Рассеиватели под крышами горели белым даже в солнечный день, дробили свет на тысячи направлений и заполняли им каждую щель. Под ногами прохожих не было тёмных двойников. Карнизы не чертили полос на стенах. Рыночные навесы казались нарисованными поверх площади и не прикреплёнными к земле.

Вея Ладор ненавидела этот час. Без теней глубина улицы исчезала, и город делался плоским, как плохо составленная карта.

Она сидела на краю колодца сна, свесив сапоги над неподвижной серебристой водой. Обычный человек увидел бы дно в трёх локтях. Лоцман видел реку, уходящую под город туда, где сотни спящих одновременно бежали по одному и тому же коридору.

— Маршрут нестабилен, — сказала Вея.

Начальник городской лечебницы вытер лоб. Его ладонь прошла по месту, где при обычном свете должна была лежать тень от носа.

— Там шестеро детей.

— Именно поэтому я говорю о состоянии маршрута, а не отказываюсь.

Вея попросила список детей и получила лист, где вместо имён стояли номера коек.

— Мне нужны имена, которыми они сами себя называют.

— Медицинские сведения закрыты.

— Диагнозы мне не нужны. Но если в общей реке шестеро побегут в разные стороны, я должна обратиться к каждому, не назначая ему номер.

Начальник оглянулся на окна лечебницы. За белыми стёклами двигались взрослые силуэты без теней.

— Родители подписали согласие на спасательный маршрут.

— На вход лоцмана или на всё, что хранилище встроило в ключ?

— Стандартный бланк.

— Покажите.

Он вынул из папки шесть одинаковых листов. В строке о вмешательстве стояло: «разрешаю проведение необходимых действий для возвращения пациента». Ни слова об отделении тени, просмотре памяти или передаче следа хранилищу.

— Это согласие вытащить детей из сна, — сказала Вея. — Не открыть то, что они прячут.

— Они несовершеннолетние. Решают взрослые.

— Взрослые решают о лечении. Секрет всё равно остаётся детским.

Она перевернула лист и написала: «Лоцман не задаёт вопросов о содержании скрытого; маршрут прекращается при попытке внешнего просмотра». Поставила подпись и протянула перо начальнику.

— Это не утверждённая форма.

— Зато утверждённая мной граница работы. Можете отказаться.

Сверху донёсся крик. На третьем этаже что-то разбилось, потом шесть детских голосов одновременно позвали каждый свою мать. Начальник подписал.

— Имена, — напомнила Вея.

Он назвал их тихо. Вея повторила каждое, пока не была уверена, что не перепутает на воде.

На камнях у колодца стояла узкая лодка из чёрного камыша. В неё уже положили шесть пустых одеял, по одному для каждого спящего ребёнка. Если Вея найдёт их в общей реке и выведет к колодцу, одеяла станут тяжёлыми. Если сойдёт, лодка вернётся с тем же весом, с каким ушла.

— Палата разрешила вход, — сказал начальник и показал медный жетон.

На жетоне был знак хранилища теней: закрытый глаз внутри круга. Не лечебницы, не службы сна.

— Почему маршрут открыло хранилище?

— Сейчас это важно?

— В реке важно всё, что кто-то предлагает не замечать.

Вея не взяла жетон. Она велела положить его на нос лодки, где металл не касался кожи лоцмана, затем проверила семь полос обратной карты во внутреннем кармане. Каждая хранила одну примету Сноводья: изгиб старой переправы, три сваи у материнского дома, запах мокрой мяты, красную глину на лестнице, зимнюю ноту колокола, тёплую выбоину в перилах и направление ветра перед первым льдом.

За чужой маршрут река забирала одну примету. Никогда нельзя было знать заранее какую.

Вея легла в лодку, положила ладони на борта и закрыла глаза.

Белый Лирран исчез.

Под веками вспыхнул длинный больничный коридор. По полу текла вода, хотя двери оставались сухими. Вдалеке шестеро детей бежали от звука, похожего на скрежет огромного ключа. Они видели один сон, потому что перед операциями им дали одинаковое снотворное и оставили слушать один городской колокол.

Лодка упала на воду без всплеска.

Вея села и взялась за короткое весло. Здесь у каждого предмета была тень — длинная, живая, непослушная рассеивателям. Тень весла гребла на долю секунды раньше руки. Тень Веи сидела на корме лицом к ней.

— Не начинай, — сказала Вея.

Тёмная фигура улыбнулась её ртом.

Лоцманы редко разговаривали с собственными тенями. Не потому, что это было запрещено: закон запрещал лишь выносить их в город. Просто тень отвечала тем, что человек уже знал и не желал формулировать.

Коридор раздвоился. Слева звенели детские шаги, справа пахло речной мятой.

Вея повернула налево.

Запах домашней пристани пошёл за лодкой, уговаривая оглянуться. Она не оглянулась. Сонная река всегда пробовала карту возвращения на прочность. Чем яснее человек помнил дом, тем более убедительную подделку получала вода.

Первого ребёнка нашли под перевёрнутой больничной каталкой. Девочка лет десяти прижимала к груди деревянную рыбу и отказывалась выходить.

— За дверью он, — прошептала она.

— Кто?

— Тот, кто спрашивает, что я спрятала от мамы.

Вея не стала просить показать. В снах вопрос иногда был дверью, а ответ — ручкой с другой стороны.

— Я лоцман Вея. Мне не нужен твой секрет. Мне нужно твоё согласие сесть в лодку.

— А если я не скажу?

— Тогда останусь рядом, пока мы не найдём другой способ.

Девочка выглянула. На стене позади Веи её тень держала совсем не весло, а длинный ключ. Вея не повернулась к двойнику.

— Лодка умеет молчать? — спросила девочка.

— Лучше большинства взрослых.

Девочка выбралась сама. Когда она коснулась первого пустого одеяла, ткань обрела вес. Где-то наверху, у колодца, её тело должно было впервые глубоко вдохнуть.

Остальных нашли в боковых палатах. Каждый прятался от одного и того же ключника, но вопросы слышал разные. «Кого ты любишь не так, как обещала?» — спрашивал сон у старшей девочки. «Что ты сломал и не признался?» — у мальчика с перевязанной рукой. Самый маленький вообще не понимал слов, зато видел, как дверные ручки превращаются в раскрытые глаза.

Третьим оказался мальчик Сай, который не прятался. Он стоял посреди палаты и держал дверь обеими руками, не давая ей закрыться.

— Отпусти, — сказала Вея. — Я подставлю весло.

— Там сестра.

За дверью не было комнаты. В узкой щели шла чёрная вода, и в ней кто-то стучал снизу.

— Твоя сестра лежит в этой лечебнице?

— Она дома.

— Тогда река взяла её образ из твоей памяти.

— А если настоящая тоже уснула?

Честный ответ был неудобен.

— Я не могу проверить отсюда. Могу удержать дверь, пока ты сядешь в лодку. Потом мы попросим взрослого проверить сестру обычным способом.

— А её здесь оставим?

— Здесь сейчас не она. Это не значит, что твой страх ненастоящий.

Сай всматривался в её лицо, отыскивая обещание, которого она не дала. Потом позволил подставить весло и отступил. Дверь захлопнулась, отрубив стук. Мальчик вздрогнул, но сам дошёл до лодки.

Четвёртая девочка, Мира, потребовала, чтобы Вея назвала цену.

— Мне сказали, из снов никто не выходит бесплатно.

— Верно. Моя цена — одна примета собственной дороги за весь маршрут. Не твой секрет.

— Какая примета?

— Река выберет после.

— А если заберёт маму?

— Людей карта не хранит. Она может забрать звук её голоса, запах дома или вид поворота. Маму — нет.

— Ты всё равно идёшь?

— Это моя работа и мой выбор.

Мира коснулась борта, но не села.

— А если я не пойду, тебе будет дешевле?

— Нет. Цена берётся за маршрут, не за число пассажиров.

Только тогда девочка забралась под одеяло. Вея отметила про себя, как легко взрослые могли бы назвать этот разговор торговлей и как сильно он отличался от сделки: ребёнок ничего ей не задолжал за честный ответ.

Последних двоих нашли вместе. Братья сидели под окном и спорили, кто из них придумал ключника. Каждый хотел принять вину, чтобы второй проснулся первым.

— Река не судит авторство, — сказала Вея. — Она повторяет то, что повторяется у всех. В лодке два места.

— А если он полезет следом?

— Тогда решать буду я. Ваша задача — держать друг друга за руки, если оба этого хотите.

Братья переглянулись. Младший первым протянул ладонь.

Вея никого не просила отвечать. Она называла своё имя, объясняла путь и спрашивала разрешения коснуться. Лодка тяжелела.

Когда шестое одеяло наполнилось, коридор погас.

Не потемнел — свет остался, но перестал принадлежать стенам. Из всех дверей одновременно вытянулись тени. Они легли поперёк воды, сцепились и образовали решётку.

На носу лодки раскалился медный жетон хранилища.

— Вот зачем им понадобился официальный ключ, — сказала Вея.

Её тень поднялась на корме.

— Брось жетон, — посоветовала она.

— Тогда выход закроется.

— Оставь — и они прочитают детей на пороге.

Вея уже поняла. Хранилище открыло спасательный маршрут так, чтобы вся лодка прошла через рамку отделения. Шесть детей проснулись бы, но каждый оставил бы здесь тень с последним спрятанным секретом. Начальник лечебницы, возможно, не знал. Или предпочёл не спросить, почему чужое учреждение так быстро выдало жетон.

Тени на воде натянулись. Лодка остановилась.

Вея достала первую полосу обратной карты — ту, где был записан запах мокрой мяты. Не чернилами: тонкая кожа сама пахла домом, стоило согреть её между пальцами.

— Ты собиралась беречь карту, — сказала тень.

— Собиралась.

— Люди наверху назовут это служебной потерей.

— Пусть попробуют.

Она обернула полосой медный жетон. Домашняя примета оказалась сильнее казённого ключа: на мгновение металл забыл, к какому замку принадлежит. Решётка дрогнула.

Вея ударила веслом.

Лодка прошла сквозь тени. Они хватались за борта, но одеяла не отпускали ни звука. На последнем гребке полоска вокруг жетона вспыхнула холодным огнём. Запах мяты стал невыносимо ясным — речная вода на листьях, материнская ладонь, корзина на третьей свае, — а потом исчез.

Вея помнила, что у домашней пристани чем-то пахло после дождя. Чем именно, больше не знала.

Колодец выбросил лодку в белый полдень.

Шесть одеял были тяжёлыми. Служители лечебницы подхватили детей. Начальник заговорил о своевременном спасении, но Вея велела Лоцманскому писцу снять показания с жетона. На меди проступили шесть незавершённых кругов отделения.

— Палата назовёт это защитной фиксацией, — сказал незнакомый мужчина у края колодца.

Прежде чем Вея ответила, мать Сая прорвалась сквозь служителей и схватила сына за плечи.

— Лисса дома? — спросил он.

— Дома. Не спала ни минуты, пока тебя несли сюда.

Сай закрыл лицо и заплакал — не от страха, а от того, что позволил двери захлопнуться. Вея отвернулась, оставляя ему право не быть рассмотренным в облегчении.

Мать Миры подошла к лодке.

— Что она вам рассказала?

— Спросите у неё.

— Я подписывала разрешение.

— На возвращение. Она вернулась.

Женщина явно хотела спорить, но Мира высунулась из одеяла.

— Она сказала, что заплатила своим домом, а не мной.

Вея поправила:

— Одной приметой дороги. Дом остаётся моим, если он меня помнит.

— Странная работа, — сказала мать.

— Поэтому условия лучше знать до начала.

Начальник лечебницы попытался забрать подписанный лист с границами маршрута. Вея удержала край.

— Копию родителям и по одной строке в истории каждого ребёнка: внешний просмотр не разрешался.

— Вы не распоряжаетесь историями болезни.

— Тогда запишите в акт выхода. При споре мой экземпляр станет свидетельством, что вы знали условие.

Лощманский писец, до этого старательно смотревший в колодец, раскрыл журнал.

— Я внесу.

Начальник отпустил бумагу. Шесть родителей по очереди поставили рядом знаки ознакомления. Не все поняли, что едва произошло, но теперь хранилищу было труднее назвать молчание согласием задним числом.

Он носил серый мундир инспектора теней без единого блестящего знака. Высокий, взрослый, с усталым лицом человека, который давно не доверял собственному отражению. Рассеянный свет не оставлял тени и ему.

— А вы? — спросила Вея.

— Я назову это причиной не отдавать вам жетон.

— Он находился на моей лодке.

— Он принадлежит хранилищу.

— Значит, хранилище сможет объяснить, почему пытались снять тени с детей во время спасения.

Мужчина представился:

— Старший инспектор Тарен Вель. До выяснения обстоятельств ваш маршрут закрыт, лодка опечатана, карта подлежит проверке.

Вея встала между ним и носом лодки.

— Моя обратная карта не была частью разрешения.

— Вы использовали её для вмешательства в городской ключ.

— Я использовала её, чтобы дети вернулись с тем, что принадлежит им.

Тарен посмотрел на шесть кругов. На одно мгновение служебная уверенность оставила его лицо.

— Кто сообщил вам о рамке?

— Она схватила лодку. Этого обычно достаточно.

— В протоколе будет вопрос о сообщнике.

— В протоколе будет мой ответ: сонная река не обязана состоять в вашем штате, чтобы показывать течение.

Начальник лечебницы потребовал прекратить спор возле детей. Вея согласилась и впервые внимательно посмотрела на спасённых. Девочка с деревянной рыбой уже сидела, завернувшись в одеяло. Под её ногами не было тени, как у всех в Лирране. Но на ладони темнела узкая полоска, похожая на след ключа.

Вея наклонилась, не касаясь.

— Можно посмотреть?

Девочка раскрыла пальцы.

На коже был нарисован номер рыночного прилавка.

Тарен увидел его одновременно с Веей и побледнел.

— Вы знаете этот номер, — сказала она.

— Нет.

— Тогда вы очень выразительно не знаете.

Он приказал писцу никому не переписывать метку. Девочка тут же закрыла ладонь.

— Вы не можете запретить ей помнить собственную руку, — сказала Вея.

— Я пытаюсь не допустить новую продажу.

— Начните с вопроса, чего хочет она.

Тарен сжал челюсти, но опустил перед девочкой на одно колено и спросил разрешения внести номер в закрытый протокол. Получив кивок, продиктовал цифры писцу. Это не сделало его союзником. Только показало, что он способен услышать поправку, когда ему не оставляют удобного выхода.

Вею отпустили до вечернего допроса, запретив входить в сонные реки. Лодку опечатали двумя знаками: инспекции и артели. Медный жетон Тарен забрал в прозрачном футляре, выдав расписку.

Уже уходя, Вея почувствовала, что во внутреннем кармане лежит не семь полос, а восемь.

Она не стала доставать лишнюю бумагу возле колодца. Попросила писца ещё раз пересчитать выданные одеяла, дождалась, пока последнего ребёнка унесут внутрь, и только потом перешла под арку хозяйственного двора. Здесь два рассеивателя перегорели, однако дневной свет всё равно заполнял камни без остатка.

Тарен последовал за ней до середины двора.

— Вы нарушаете распоряжение, если скрываете предмет, вынесенный из сна.

— Распоряжение вы объявили после выхода. Оно не умеет путешествовать в прошлое.

— Опасный предмет остаётся опасным независимо от времени.

— А человек остаётся владельцем кармана независимо от вашего беспокойства.

Он остановился на расстоянии, которое не позволяло схватить её за руку.

— Я могу потребовать досмотр при двух свидетелях.

— Требуйте письменно и укажите основание. Я отвечу письменно. Пока вы можете спросить, принесла ли я из реки что-то, чего не клала в лодку сама.

Тарен помолчал.

— Принесли?

— Да.

— Вы разрешите увидеть форму предмета без чтения?

Вея оценила вопрос. Он отделил форму от содержания, но не объяснил, зачем она ему.

— С какой целью?

— Убедиться, что это не продолжение рамки отделения. Если рамка зацепилась за вашу карту, она может открыться рядом с любым спящим.

— Смотреть будете вы один. Не касаясь. Писец останется у арки и подтвердит только отсутствие контакта.

— Согласен.

Вея отвернула полу плаща так, чтобы карман оказался в тени ткани, и вынула бумагу на ширину двух пальцев. Чёрный край поглотил белый свет. Тарен не наклонился ближе, но его взгляд сразу остановился на серебряной насечке.

— Рыночная квитанция, — сказал он.

— Вы уверены слишком быстро.

— Их изымают при облавах.

— И возвращают владельцам?

— Нет.

— Тогда эта останется у меня.

Он посмотрел на футляр с медным жетоном, словно прикидывал, хватит ли служебной власти забрать оба предмета.

— Не разворачивайте её под прямым светом.

— Почему?

— Надпись может назначить читателя стороной сделки.

— Это было в инструкции к ключу, которую лечебнице не показали?

— Это было в деле, которое я вёл три года назад.

Он сказал больше, чем собирался. Вея запомнила не только срок, но и то, как его пальцы сжались вокруг футляра.

— Чем закончилось дело?

— Тень признали уничтоженной.

— Вы видели уничтожение?

— Нет.

— Тогда это запись, а не знание.

Тарен поднял глаза. На этот раз служебная уверенность исчезла не на миг.

— Да, — сказал он. — Запись.

Вея убрала бумагу. Он не попытался остановить её, и это тоже было поступком — маленьким, недостаточным для доверия, но достойным точной памяти.

Лишняя была чёрной. На ней серебром проступил тот же номер прилавка, а ниже — короткая фраза:

«Твоя дорога домой продаётся после заката».

Подписи не было. Но от полосы на белой мостовой появилась тонкая тень — женская фигура с веслом, стоящая отдельно от Веи.

Глава 2. Инспектор у колодца сна

К вечеру колодец сна оцепили так тщательно, словно из него мог сбежать сам сон.

Вея увидела ограждение ещё с Мостовой стекольщиков: три ряда световой нити, две дежурные пары инспекторов и переносной рассеиватель, от которого камни вокруг лечебницы казались белее соли. Её лодка стояла там же, где её вытащили из воды. Печати на бортах мерцали красным и синим — инспекция и артель не доверяли друг другу настолько, что даже запрещали прикасаться к лодке порознь.

У края колодца ждал Тарен Вель.

Он снял мундирный плащ и закатал рукава. На каменном парапете перед ним лежали медный ключ в прозрачном футляре, расписка Веи и три листа протокола. Чернильница была закрыта крышкой: при рассеянном свете чернила быстро выцветали.

— Вы назначили допрос на вечер, — сказала Вея. — Я пришла вечером. Если вы надеялись, что я опоздаю и дам вам ещё один удобный пункт обвинения, придётся поискать другой.

— Я надеялся, что вы не пойдёте к прилавку с детской ладони.

Чёрная полоса лежала во внутреннем кармане, отдельно от семи полос обратной карты. Вея чувствовала её как холодный палец у сердца.

— А вы поставили за мной наблюдение, чтобы проверить надежду?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Вея оглянулась на яркую площадь. Ни один прохожий не задерживал на ней взгляд. У булочной спорили из-за мелкой сдачи, у трамвайной остановки женщина успокаивала ребёнка, у водостока мальчишка складывал бумажный кораблик. В городе без теней наблюдателю было негде прятаться, и потому хорошие наблюдатели прятались в чужом равнодушии.

— Тогда откуда вам знать, куда я не пошла?

— Оттуда, что прилавок открывается после заката, а вы здесь.

Он придвинул к ней протокол.

— Сначала формальности. Подтверждаете, что вошли в общий сон шестерых пациентов лечебницы по ключу городской палаты?

— По ключу хранилища теней, предъявленному как ключ палаты.

— На лицевой стороне стояла печать палаты.

— На обороте — глаз хранилища.

— На обороте любого ключа указан изготовитель.

— Изготовитель обычно не встраивает рамку отделения.

Тарен открыл чернильницу и записал её слова. Почерк у него был прямой и тесный, без украшений. Человек, который экономил место даже там, где бумагу оплачивал город.

— Вы знали, что уничтожение ключа в маршруте может закрыть выход?

— Знала.

— И всё же обернули его частью личной карты.

— Чтобы сбить настройку, а не уничтожить ключ. Вы видели результат.

— Видел шестерых живых детей и повреждённый казённый предмет.

— Расставьте это в протоколе в том же порядке.

Его перо остановилось. Усталость на лице сменилась чем-то почти похожим на досаду, но не на неё — на самого себя.

— Я не ваш враг, лоцман Ладор.

— Пока вы задаёте вопросы от имени учреждения, которое хотело вынести из сна шесть детских тайн, ваше личное отношение не имеет значения.

— Именно поэтому имеет значение точность.

Он развернул футляр. По медной поверхности ключа тянулись шесть незамкнутых кругов. В центре каждого проступила тонкая поперечная риска — след сорванного отделения.

— По инструкции защитная фиксация должна оставить круги открытыми, — сказал Тарен. — Рамка изъятия замыкает их после выхода. Здесь они не замкнулись.

— Потому что я остановила рамку.

— Либо потому, что это была защитная фиксация.

Вея наклонилась к футляру.

— Вы позвали меня ради спора о названии?

— Ради проверки, которую нельзя провести в кабинете.

Он взял с парапета плоское зеркало в серебряной оправе. Такие носили настройщики рассеивателей: обычное стекло отражало лицо, а это — направление света. Тарен поставил зеркало за футляром, погасил переносной рассеиватель и велел дежурным отвернуться.

На несколько мгновений у колодца возник настоящий сумрак.

После целого дня белизны глаза Веи болезненно обрадовались глубине. Парапет получил объём, складки на рубашке Тарена потемнели, под её рукой легло мягкое подобие тени. Чужие силуэты только начали собираться на камнях, когда запасные лампы над лечебницей вспыхнули ярче.

Но мгновения хватило. В зеркале шесть кругов оказались замкнутыми.

— Световая маскировка, — сказала Вея.

— Да.

— Значит, ключ предназначался для изъятия.

— Значит, кто-то внёс в официальный ключ скрытый контур.

— Вы удивительно бережёте учреждение от его собственного имени.

— Палата выпустила ключ. Хранилище его изготовило. Лечебница получила. Настройку мог изменить человек в любой из трёх точек.

Тарен снова включил переносной рассеиватель. Мир лишился глубины, а доказательство — видимости.

— Поэтому футляр останется при мне, — продолжил он. — Если я передам ключ в хранилище на обычную экспертизу, через час там увидят только повреждение после вмешательства лощмана.

— А если он останется у вас, что увидят через час?

— Что я нарушил порядок передачи вещественных доказательств.

— Суровое открытие для старшего инспектора.

— Вы предпочли бы, чтобы я соблюдал порядок?

Вея посмотрела на него внимательнее. Утром ей показалось, что бледность при виде номера была страхом разоблачения. Теперь это мог быть страх узнавания. Или страх человека, который понимает: лестница под ним прогнила, но ещё не знает, какая ступень рухнет первой.

— Я предпочла бы знать, почему вы узнали номер прилавка.

Тарен закрыл футляр в кожаный чехол.

— Этот вопрос не относится к вашему маршруту.

— Номер появился на руке моей пассажирки. Всё, что произошло с пассажирами между входом и пробуждением, относится к моему маршруту.

— Вы отвечаете за проводку, не за дальнейшее расследование.

— Удобная граница. Кто её провёл?

— Закон.

— Покажите статью.

Он промолчал.

Вея ждала. Сонные реки учили не торопить тишину. Если грести каждый раз, когда течение замедляется, легко пропустить момент, когда вода уже несёт тебя в другую сторону.

— Такой статьи нет, — наконец сказал Тарен. — Есть ведомственное толкование.

— Подписанное хранилищем?

— Палатой.

— Тем лучше. Покажите его вместе с распоряжением о моём задержании.

Тарен достал четвёртый лист. Внизу стояла его подпись, но верхняя половина оставалась пустой.

— Это уведомление о временном надзоре. До окончания проверки вы не входите в сонные реки без моего присутствия, не перемещаете обратную карту и не вступаете в сделки с тенями.

— Моё присутствие при вашем присутствии тоже обязательно?

— Ваше чувство юмора не считается основанием для отмены.

— Как и ваше беспокойство — основанием для надзора. Где нарушение?

— Нелегальный выход.

— Вход был разрешён.

— Вы изменили маршрут и вышли мимо рамки регистрации.

— Потому что рамка регистрации оказалась рамкой изъятия.

— Именно это нам предстоит доказать.

Он протянул ей перо.

— Подпись означает получение, не согласие.

Вея не взяла перо.

— Надзор даёт вам доступ к моей карте?

— Только право удостовериться, что она не перемещается.

— То есть вы сможете видеть, где я её храню.

— Смогу опечатать место хранения.

— А потом кто-нибудь внесёт в вашу официальную печать скрытый контур, и вы объясните, что изменить её могли в любой из трёх точек.

Тарен медленно выдохнул.

— Тогда предложите способ, при котором карта останется у вас, а я смогу отвечать за её сохранность.

— Вы не отвечаете за её сохранность.

— За улику отвечаю.

— Это дорога домой, а не улика.

— Часть этой дороги сегодня использовали для вмешательства в ключ.

— И она исчезла. Хотите опечатать отсутствие запаха?

Вея сказала это жёстче, чем собиралась. На миг ей снова почудилось, будто она знает, чем пахнет мокрый воздух под сваями Сноводья. Память подставила холодную траву, дёготь, рыбу чешую — всё правдоподобное и всё чужое. От невозможности выбрать настоящее стало пусто под рёбрами.

Тарен не отвёл глаз.

— Какую примету забрала река?

— Не относится к расследованию.

— Справедливо.

Он зачеркнул строку о месте хранения и написал новую.

— Семь полос остаются при вас. При каждой проверке вы предъявляете закрытый чехол с семью пломбами артели, не показывая содержание. Я сверяю целостность пломб. Откроем только по решению палаты либо с вашего согласия.

— Шесть, — сказала Вея.

Перо замерло.

— У вас осталось шесть?

— Семь полос. Шесть моих.

Она достала чёрную полосу двумя пальцами и положила на парапет.

Тень от неё возникла сразу, вопреки рассеивателям. Узкая женская фигура с веслом вытянулась по белому камню и упёрлась головой в футляр с ключом. Дежурные за световыми нитями ничего не заметили. Или умели очень хорошо ничего не замечать.

Тарен не прикоснулся к полосе.

— Когда вы её получили?

— После выхода. Она оказалась между частями карты.

— Кто имел доступ к вашему карману?

— В сонной реке — моя тень. У колодца — вы, служители, начальник лечебницы, писец, шесть детей и половина любопытного города. Но ткань не разрезана, застёжка не открывалась.

— Текст прочли?

— Разумеется.

— Это могло быть условием активации.

— Тогда вы уже опоздали с советом не идти на рынок.

Он наклонил зеркало к чёрной полосе. В отражении серебряные буквы исчезли, а вместо номера проступил закрытый глаз хранилища. Не знак изготовителя на обороте. Такой же служебный оттиск, каким помечали изъятые тени перед помещением в ячейку.

Тарен тихо выругался.

— Теперь вы всё ещё хотите спорить о трёх точках? — спросила Вея.

— Теперь у нас два предмета с меткой хранилища. Оба появились в одном маршруте. Это связь, не доказательство источника.

— Для человека, нарушающего порядок ради футляра, вы внезапно полюбили осторожность.

— Осторожность нужна именно потому, что я нарушаю порядок.

Он достал из кармана тонкую серую нить и обвёл ею полосу, не касаясь. Нить должна была замкнуться вокруг любой вещи, прошедшей через зарегистрированную тень. Она дрогнула, потянулась к футляру и прилипла к его медной застёжке.

Ключ и приглашение признали друг друга.

Вея почувствовала не торжество, а холод. До этой минуты у неё оставалась возможность считать послание ловушкой случайного рыночного торговца. Теперь ловушка имела официальный замок.

— Запишите это, — сказала она.

— Уже.

Тарен показал лист. Под вопросами к Вее он подробно отметил опыт с зеркалом и нитью, поставил время и подпись. Затем сложил копию, приложил к парапету и прокатил по краю личную печать.

— Копия ваша.

— Без печати палаты она ничего не стоит.

— С печатью палаты она исчезнет раньше утра.

— Вы часто так говорите о собственном месте службы?

— Только когда хочу дожить до следующего вопроса.

Он произнёс это сухо, но Вея услышала под сухостью опыт. Не страх наказания — знание привычной последовательности: документ принимают, уточняют формулировку, переносят в закрытое дело, а потом никто не может установить, существовал ли он.

— Почему вы узнали номер? — повторила она.

Тарен посмотрел на дежурных. Старшая пара стояла у входа в лечебницу, младшая — за переносным рассеивателем. Белый свет лишил всех четырёх теней, но не слуха.

— Пройдём к колодцу, — сказал он.

— Мою лодку вы опечатали. В воду мне запрещено.

— На ступени. Не в маршрут.

Он разомкнул внутреннюю световую нить своим жетоном и спустился первым. Под каменным краем шум площади стих. Вода в колодце была неподвижной, однако от неё тянуло прохладой, похожей на дыхание спящего. Вея остановилась на третьей ступени. Ниже начинался участок, где один неверный взгляд мог стать входом.

Тарен сел на сухой камень ступенью выше, сохранив расстояние.

— Прилавок сто восемь, — сказал он. — Три года назад там продали доступ к одному признанию. После этого мою сестру выгнали из городской печатни, её дом обыскали, а двое людей, которым она помогала, исчезли.

— Что было в признании?

— Не ваше дело.

— Верно.

Он явно ожидал, что она станет настаивать. Когда не стала, его лицо дрогнуло — совсем немного, как вода над далёким движением.

— Я расследовал продажу, — продолжил он. — След привёл к моей собственной тени.

— Тени не действуют без скрытого секрета владельца.

— Я знаю закон.

— Это не закон. Это их природа.

— Моей тени было что взять.

Тарен смотрел не на Вею, а в воду.

— Она отделилась во время служебного просмотра. Через неделю доступ оказался на рынке. В отчёте записано, что тень предала владельца и была уничтожена при задержании.

— В отчёте, который подписали вы?

— Я.

— Вы видели уничтожение?

— Видел, как закрыли ячейку. Видел вспышку утилизации. Получил пустой сосуд.

— Это не ответ.

— Нет. Саму тень я не видел.

Из глубины колодца донёсся одинокий всплеск. Вея не наклонилась. Сонные реки любили подражать разговору, когда замечали незакрытую дверь.

— И теперь номер снова появился рядом с ключом хранилища, — сказала она.

— Поэтому вы не пойдёте туда одна.

— Поэтому вы назначили надзор.

— Если бы я возбудил дело против хранилища, ключ забрали бы до полуночи. Если бы попросил вас о сотрудничестве, вы бы отказались.

— Вы не пробовали.

— Утром вы назвали меня частью учреждения, которое пыталось украсть детские секреты.

— Потому что вы ею являетесь.

— А вы человек, который носит неизвестный рыночный предмет рядом с картой домой. Мы оба можем составить друг о друге точные и бесполезные описания.

Вея почти улыбнулась, но вовремя передумала.

— Надзор не делает нас союзниками.

— Нет.

— Не даёт вам права читать мою карту.

— Нет.

— Не позволяет спрашивать секрет пассажира без его согласия.

— Это уже записано в протоколе.

- И если я пойду к сто восьмому прилавку, вы не остановите меня силой.
- Если вы пойдёте в рамках проверки и в моём присутствии.
- Вы умеете превращать уступку в приказ быстрее, чем писец открывает чернильницу.
- Профессиональный недостаток.

В воде под ними возникло отражение лестницы. Обычное, почти правдоподобное — кроме фигуры за плечом Тарена.

Вея увидела её раньше, чем поняла, что именно не так. У инспектора, сидевшего под многолучевым белым светом, не могло быть тени. Тем более тени, которая стояла прямо, когда он сидел.

Тёмная фигура приложила палец к губам.

Потом медленно указала на карман Тарена, где лежал ключ.

Вея перевела взгляд на живого мужчину. Он следил за её лицом.

— Что вы увидели? — спросил он.

— Течение.

— В неподвижной воде?

— Особенно в неподвижной.

Тень в отражении улыбнулась — не ртом Тарена, а узким разрезом темноты. Затем провела пальцем поперёк горла и распалась от вспышки переносного рассеивателя наверху.

Тарен резко обернулся. На ступенях никого не было.

— Ваша тень точно уничтожена? — спросила Вея.

Он встал так быстро, что подошва скользнула по влажному камню.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что вы сказали: это записано в отчёте. Не сказали: я уверен.

— Не играйте со словами у открытого маршрута.

— Я никогда не играю у открытого маршрута.

Тарен поднялся на одну ступень, снова увеличив расстояние между собой и водой.

— Если вы что-то видели, внесите это в показания.

— А вы передадите их палате, где документы исчезают до утра?

Его собственная логика ему не понравилась.

— Расскажите мне без протокола.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы назначили надзор вместо того, чтобы попросить о сотрудничестве.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Вея ощущала странное, почти неприличное удовлетворение: не от его тревоги, а от того, что граница наконец стала видимой. Он мог приказывать ей являться, проверять пломбы, идти рядом на рынок. Но получить её наблюдение без условий уже не мог.

— Хорошо, — сказал Тарен. — Я прошу о сотрудничестве.

— Надзор остаётся?

— Да.

— Тогда мой ответ тоже остаётся прежним.

Он поджал губы, но не стал давить.

Наверху дежурный окликнул инспектора. К лечебнице подъехала закрытая повозка хранения, гладкая, белая, без окон. На дверце был тот же закрытый глаз.

— Быстро явились, — сказала Вея.

— Экспертизу я не запрашивал.

Двое служащих в белых перчатках подошли к ограждению и предъявили приказ. Тарен прочёл его, не выпуская из рук.

— Палата распорядилась передать ключ в центральную лабораторию, — сообщил старший служащий. — Немедленно.

— Приказ датирован пятью часами, — сказал Тарен.

— Верно.

— В пять часов ключ ещё числился лечебным и не был признан вещественным доказательством.

Служащий не моргнул.

— Исправленная копия поступит завтра.

— Завтра и передам.

— Вы препятствуете распоряжению палаты.

— Я уточняю его предмет. Это один из немногих видов препятствия, за которые мне пока платят.

Вея поднялась из колодца. Белоперчаточные одновременно посмотрели на неё. Не на лицо — на внутренний карман куртки. Они знали о чёрной полосе.

— Лоцман Ладор, — сказал старший. — Всё имущество, вынесенное из незарегистрированного маршрута, также подлежит передаче.

— Назовите имущество.

— Вам известно.

— Тогда вам будет легко описать его для расписки.

Служащий вынул заготовленный лист. Верхняя строка уже была заполнена: «Одна полоса обратной карты с меткой маршрута».

Не чёрное приглашение. Полоса обратной карты.

Вея почувствовала, как шесть домашних примет прижались к телу, будто тоже прочли строку.

— У вас неверные сведения, — сказала она.

— Исправим после экспертизы.

— После экспертизы у меня станет на одну дорогу меньше.

Тарен взял лист прежде, чем служащий успел убрать его, и положил рядом со своим протоколом.

— Изымать личную карту надзорного лица запрещено без решения трёх членов палаты, — сказал он. — Здесь одна подпись.

— Вы сами оформили надзор несколько минут назад.

— Значит, вовремя.

Вея посмотрела на него. Вот для чего он оставил пустой верх листа и спорил о месте хранения. Возможно, он задумал защиту с самого начала. Возможно, увидел подготовленную расписку в руках служащего. Доверие не возникло ни в первом, ни во втором случае. Но один проверяемый поступок у неё теперь был.

Белоперчаточные ушли без ключа и полосы. Повозка постояла ещё минуту, словно напоминала их лица, затем растворилась в вечернем движении.

Тарен дописал уведомление о надзоре и снова протянул перо.

— Теперь подпишете?

— Теперь добавлю условия.

Вея вписала на свободном поле: «Предъявление обратной карты только в закрытом чехле. Любое исследование — с согласия владельца или по решению трёх членов палаты. Наблюдения лоцмана в сонной воде не входят в служебные показания без отдельного добровольного подтверждения».

— Последнее условие не предусмотрено формой, — сказал Тарен.

— Как и скрытый контур в лечебном ключе.

Он поставил рядом инициалы.

Надзор вступил в силу.

Вея запечатала семь полос в кожаный чехол шестью синими пломбами артели и одной простой ниткой вокруг чёрной. Тарен сверил число, не попросив открыть. Ключ остался у него. Копию опыта с зеркалом она спрятала отдельно, за подкладку рукава.

— Прилавок открывается через час, — сказала Вея.

— Я зайду за вами в типографию на улице Тихих Букв.

— Почему в типографию?

Тарен надел мундирный плащ.

— Потому что там можно прочесть рыночную квитанцию, не соглашаясь на сделку.

— И потому что типография принадлежит вашей сестре.

Он не спросил, откуда она знает. В городе без теней всё равно оставались справочники, сплетни и люди, которых инспектор когда-то слишком старательно пытался защитить.

— Риала сама решит, впускать ли нас, — сказал он.

— Разумное правило. Попробуйте распространить его на весь город.

Вея ушла от колодца пешком. На первом повороте она оглянулась.

Тарен стоял возле опечатанной лодки, один среди многолучевого света. Тени у него не было. Но по внутренней стороне прозрачного футляра медленно прошёл тёмный отпечаток ладони — будто кто-то изнутри проверял, крепко ли закрыт замок.

Глава 3. Секрет на один просмотр

Улица Тихих Букв начиналась там, где заканчивались вывески.

Днём над каждой дверью здесь висело пустое матовое стекло. Ночью хозяева гасили рассеиватели, и на стёклах проступали названия мастерских — не написанные краской, а вырезанные тенями букв. Город терпел это нарушение ради печатников: без правильной тени литеры не оставляли ровного следа.

Типография Риалы называлась «Поля». Слово появилось на стекле только тогда, когда Вея подошла вплотную.

Тарен уже ждал у двери. Он сменил мундир на тёмный сюртук, но служебная выправка осталась при нём и делала маскировку почти смешной.

— Надзор требует, чтобы вы были заметнее всех на улице? — спросила Вея.

— Сегодня я не при исполнении.

— Ключ у вас?

Он коснулся внутреннего кармана.

— Тогда хранилище с вами не согласится.

Вея показала закрытый чехол. Шесть синих пломб и простая нить были целы. Тарен пересчитал их взглядом, не протянув руки.

— Условия соблюдены, — сказал он.

— Постарайтесь не звучать удивлённо.

Он постучал: два раза, пауза, ещё один. Изнутри ответил стук работающего пресса. Дверь не открылась.

Тарен повторил. Пресс ударил дважды быстро, затем замолчал.

— Она отказала, — сказала Вея.

— Она сообщила, что занята.

— У вас в семье все отказы считаются отсроченным согласием?

Тарен убрал руку от двери.

— Нет.

Он отступил к противоположной стене. Не стал грозить именем палаты, искать служебный вход или объяснять сестре, что дело важное. Просто приготовился ждать.

Через несколько минут за стеклом возникла женская тень. Она повернула ключ, дверь приоткрылась на ширину ладони.

— Я выпускаю лощмана, — сказала женщина. — Инспектор может вернуться в своё учреждение и найти там человека, который рад его видеть.

У Риалы Вель были такие же серые глаза, как у брата, но смотрела она прямо, без его привычки сначала оценивать последствия. На фартуке темнели пятна чернил, волосы были собраны печатной проволокой.

— Мне нужна ваша помощь с рыночной квитанцией, — сказала Вея. — Тарен утверждает, что вы можете прочесть её без сделки. Но если его присутствие — цена, я откажусь.

Риала перевела взгляд на брата.

— Ты рассказал ей?

— Только о прилавке. Не о содержании.

— Удивительная сдержанность. Три года учился?

— Риала...

— Не произноси моё имя тем голосом, которым закрывал дело.

Тарен принял удар молча. Вея увидела, как напряглась его рука, но он не приблизился к двери.

— Мне нужен не ваш секрет, — сказала она Риале. — Только способ не отдать рынку свой.

— Тогда входите обеими ногами и без обещаний, которые не сможете выполнить.

Вея вошла. Риала уже закрывала дверь, когда Тарен сказал:

— У неё официальный надзор. Я обязан сопровождать её к рынку.

— Это твоя обязанность. Не моя.

— Ключ связан с прилавком сто восемь.

Риала замерла. Не распахнула дверь, только перестала толкать её.

— Как связан?

— Проверочная нить замкнулась на приглашении, вынесенном из сонной реки.

— Покажи ключ.

— Только если сама разрешишь мне войти.

Это стоило ему усилия. Вея услышала его не в голосе, а в паузе перед словом «разрешишь».

Риала открыла дверь шире.

— До верстака. Ни шагом дальше. Ничего не трогать. Никаких вопросов о старом заказе.

— Согласен.

В типографии пахло металлом, льняным маслом и горькими чернилами. Три ручных прессы занимали середину зала. Под потолком висели слабые лампы, каждая давала одно направление света, поэтому у вещей здесь были законные чёткие тени. Вея впервые за день увидела собственную. Та повторяла движения послушно, но казалась тоньше обычного.

Риала подвела их к верстаку, покрытому серой бумагой.

— Квитанцию.

Вея вынула чёрную полосу, не раскрывая чехол с картой. Риала не прикоснулась к ней руками. Подцепила двумя деревянными палочками, положила под пресс без литер и накрыла листом бумаги.

— Рынок продаёт доступ, — сказала она, вращая колесо прессы. — Не содержание. Секрет остаётся привязан к тени владельца, но покупатель получает один просмотр, три пересказа или право задать вопрос. У каждого товара свой способ открытия.

— И свой способ заставить человека согласиться, — сказал Тарен.

— Тебя просили молчать.

Он замолчал.

Риала опустила плиту. Бумага не получила ни краски, ни вдавленного следа. Зато её тень на верстаке покрылась серебряными строками.

— «Полоса обратного пути, примета первая», — прочла Риала. — «Происхождение: личное. Состояние: изъята при служебном проходе. Право: один просмотр подлинника перед покупкой. Расчёт: имя пути».

Вея вцепилась пальцами в край верстака.

— Они продают утраченную примету.

— Так написано.

— Запах пристани нельзя отделить как тень.

— Если примета была отдана официальному ключу, он мог записать её как служебную плату, — сказала Риала. — Хранилище умеет придавать памяти форму предмета.

— Незаконно, — произнёс Тарен.

Риала подняла на него глаза.

— Три года назад ты говорил: «Процедурно сомнительно».

— Три года назад я был неправ.

В типографии стало слышно, как остывает металл прессы.

Риала первой отвернулась.

— Имя пути — это не название места, — сказала она Вея. — Рынок попросит слово, которым дорога узнаёт вас. Отдадите — сможете купить приметку, но любая река, знающая это слово, получит право позвать вас.

— А просмотр подлинника?

— Должен быть бесплатным. Так рынок доказывает наличие товара.

— Значит, мы проверим и уйдём.

— Нет бесплатных просмотров, — сказала Риала. — Вы платите вниманием. Увиденное уже нельзя развидеть, а рынок выбирает, что поставить рядом.

Тарен достал футляр с ключом.

— Можно определить продавца?

— Не открывая сделку — только цепочку передачи.

Риала положила футляр на соседний лист и снова опустила пресс. На тени бумаги возникли три знака: закрытый глаз, пустой круг и весло, перечёркнутое пополам.

— Хранилище, посредник без собственной тени, лоцманская артель, — прочла она.

Вея посмотрела на знак весла.

— Артель получила товар или передала?

— Квитанция показывает участников, не направление.

Нема должна была сейчас сидеть в правлении и требовать снять печать с лодки. Нема знала семь примет Веи, потому что помогала составлять карту. Нема однажды сказала: дорогу домой лучше делить так, чтобы даже наставница не держала её целиком.

— На рынке будет полная цепочка? — спросила Вея.

— Если продавец пожелает показать.

— Продавец уже пожелал заманить меня.

Риала подняла плиту и вернула чёрную полосу.

— Тогда запомните три правила. Не называйте имён полностью. Не отвечайте на вопрос, который не был оплачен вами. И если торговец предложит один просмотр — закройте один глаз.

— Почему?

— Чтобы у вас осталась половина права не видеть.

Тарен нахмурился.

— Это суеверие.

— Ты пришёл просить моей помощи, Тарен. Получай её в той форме, в какой я даю.

Она сняла фартук и надела длинный серый плащ.

— Вы идёте с нами? — спросила Вея.

— Я иду с вами. Он идёт по служебной необходимости где-то поблизости.

Рынок открывался не на площади и не в переулке. Он возникал между двумя местами, если пройти от одного к другому с секретом, который хотелось сохранить.

Риала повела их через квартал печатников. У первого перекрёстка спросила Вею, хочет ли та рассказать, что было написано на чёрной полосе. Вея ответила «нет». У второго Тарен спросил сестру, помнит ли она дорогу. Риала ответила «не тебе». У третьего никто ничего не сказал.

Переулок за поворотом оказался длиннее улицы, с которой они свернули.

Рассеивателей здесь не было. Фонари горели низким синим огнём, и тени покупателей тянулись впереди хозяев, выбирая дорогу сами. Прилавки стояли по обеим сторонам канала. Вместо товаров на них лежали закрытые коробки, запечатанные конверты, флаконы с темнотой и зеркала, повёрнутые отражением вниз.

Никто не выкрикивал цены. Торговцы шептали только тем, чьи тени остановились.

Вея держала свою тень рядом усилием, похожим на удержание лодки у причала. Та рвалась к коробке, где кто-то продавал ответ на вопрос «почему ты не вернулась раньше». Вея не знала, к кому относился вопрос, но тело отозвалось раньше разума.

— Не читайте вывески, — сказала Риала.

— Здесь нет вывесок.

— Именно.

Тарен шёл на полшага сзади. Его собственная тень не появлялась даже в направленном свете. Покупатели замечали это и уступали дорогу. Человек без тени на рынке был либо пуст, либо опасен.

Прилавок сто восемь находился у воды. За ним сидела женщина в фиолетовой вуали. Руки её были открыты, и от каждого пальца падала отдельная тень. Девять теней лежали спокойно. Десятая перебирала карточки в ящике.

— Лоцман пришла за дорогой, — сказала торговка.

— Лоцман пришла проверить товар, — ответила Вея.

— Инспектор пришёл за прошлым.

Тарен ничего не сказал.

— А печатница пришла убедиться, что чужая ошибка всё ещё болит, — закончила женщина.

Риала остановилась.

— Если вы обращаетесь ко мне, назовите предмет сделки.

— Я ни к кому не обращаюсь. Я расставляю тени.

Женщина подняла ладонь. Десятая тень вынула из ящика узкую полосу цвета речной глины. По виду — одну из семи полос карты Веи. По запаху...

Вея шагнула ближе прежде, чем успела себя остановить.

Дождь. Мокрые сваи. Растёртые пальцами листья.

Дом.

Запах был слабым, но настоящим. Не догадкой памяти, не одной из правдоподобных подмен. Тело узнало его: в груди стало тесно, а левая ладонь сама согнулась, будто снова держала корзину у третьей сваи.

— Право одного просмотра, — сказала торговка. — Без расчёта.

Риала коснулась локтя Веи.

— Один глаз.

Вея закрыла левый.

Торговка перевернула полосу.

На обратной стороне не было ни слова. Только тёмное овальное пятно, похожее на дверцу. Вея смотрела правым глазом, ожидая увидеть пристань, дом или момент, когда ключ забрал приметку.

Дверца открылась.

Вместо Сноводья возникла печатная мастерская. Эта самая — только три года назад. Риала стояла у пресса в белой рубашке, без нынешней проволоки в волосах. Перед ней лежали списки людей, которые тайно отключали рассеиватели в спальнях. Не преступников. Жителей, желавших хотя бы ночью видеть собственную тень.

— Нет, — сказала Риала рядом с Веей.

Но просмотр уже начался.

В памяти, которая не принадлежала Вее, Риала складывала списки в печь. За дверью стучали инспекторы. Молодой Тарен просил открыть от имени палаты. Риала не отвечала. Она успела сжечь почти всё, кроме одного листа, застрявшего под плитой пресса.

Дальше был секрет, который Риала сознательно скрыла в момент отделения тени: не имена из списка и не помощь преследуемым. Она сама подделала приказ палаты, чтобы дать

двум семьям время покинуть город, и использовала личную печать брата, взятую без его ведома.

Вея зажмурила оба глаза.

Видение не исчезло.

Оно продолжилось на внутренней стороне век. Риала вынимала печать из кармана спящего Тарена. Рука дрожала. Она знала, что подставляет его службу, но верила: он выберет людей, если узнает потом. А Тарен, обнаружив подделку, испугался за сестру и приказал своей тени найти единственный след. Тень исполнила приказ слишком точно. Нашла секрет, отделилась и понесла доступ туда, где за него платили.

— Прекратите просмотр! — голос Тарена донёсся словно через воду.

— Просмотр бесплатный, — ответила торговка. — От него нельзя отказаться после открытия.

Вея потянулась не к полосе, а к собственной тени. Та лежала у ног и смотрела тем же единственным открытым глазом. Риала сказала: оставить половину права не видеть.

Вея закрыла правый глаз и открыла левый.

Видение треснуло пополам.

Одна его часть осталась в ней — факт чужого поступка, который она уже узнала. Вторая ушла в тень: лица спасённых семей, строки приказа, место, где Риала спрятала настоящие списки. Вея не увидела их. Её тень увидела, но тень не обязана была отвечать.

Рынок вернулся.

Вея опиралась обеими ладонями о прилавок. Риала стояла рядом белая от ярости. Тарен держал сестру за плечи, но отпустил сразу, как только она отстранилась.

— Что ты ей показала? — спросил он торговку.

— Товар выбирает соседство сам.

— Это был не товар, — сказала Вея. Голос слушался плохо. — Вы открыли другой доступ.

— Покупательница пришла с инспектором без тени и печатницей без прощения. Рынок составил подходящий набор.

— Я не покупательница.

— Теперь да.

На запястье Веи появилась тонкая серебряная черта. Один просмотр был отмечен как полученный.

— Цена объявлялась нулевой, — сказала Риала.

— Нулевых цен не бывает. Ты лучше многих это знаешь.

Торговка протянула руку. Десятая тень сняла с прилавка невидимую нить и привязала её к тени Веи.

— За просмотр лощман будет хранить увиденное до закрытия сделки. Расскажет — отдаст одну приметку дома. Умолчит — чужой секрет будет приходить в каждый сон.

— Это принуждение, — сказал Тарен.

— Это рынок.

Он вынул инспекторский жетон.

Весь переулок затих. Тени торговцев приподнялись за спинами хозяев.

— Уберите жетон, — сказала Вея.

— Она навязала вам обязательство.

— А вы хотите предъявить власть учреждению, которое заранее знало о нашем приходе?

Тарен посмотрел на белоперчаточных стражей в конце канала. Они ещё не двигались, но закрытый глаз хранилища уже проступал на их воротниках.

Он спрятал жетон.

— Чего вы хотите за полосу? — спросила Вея.

- Имя пути.
- Нет.
- Тогда часть цепочки передачи. Один участник за одну домашнюю примету.
- Вы продаёте мне имена тех, кто продал моё.
- Так устроена честная торговля.
- Честная торговля начинается с согласия владельца.
- Женщина под вуалью наклонила голову.
- Владелец отдал примету ключу добровольно.
- Я использовала её, чтобы вывести детей.
- Вы знали цену сонной реки.
- Река забирает память. Она не выдаёт хранилищу право перепродажи.
- Различие, которое стоит дорого доказать.

Вея взглянула на полосу цвета глины. Можно было назвать имя пути. Одно слово — то, которым Сноводье узнавало её лодку в тумане. Тогда запах вернулся бы, карта снова стала целой. А каждая сонная река получила бы возможность позвать Вею, даже если на борту ждали не дети, а люди хранилища.

- Я не покупаю, — сказала она.
- Её тень дёрнулась к прилавку. Невидимая нить натянулась.
- Тогда увиденное останется с вами, — сказала торговка.
- Нет.

Риала произнесла это спокойно. Ярость ушла с её лица, оставив ясность.

— Секрет мой. Я называю границу: Вея может сообщить, что увидела поступок, связанный с подделкой служебного документа, но не содержание, не имена и не цель.

- Торговка рассмеялась.
- Отзыв требует трёх хранителей.
- Это не отзыв. Это воля владельца до завершения сделки.
- Рынок уже получил доступ.
- Доступ не делает тебя владельцем.

Тени вокруг зашевелились. Покупатели начали отходить от прилавка. Спор о цене был привычен. Спор о том, кому принадлежит граница секрета, мог оказаться заразным.

Тарен встал рядом с сестрой, но не говорил за неё.

Вея поняла, чего ждёт рынок. Если она повторит формулировку Риалы, то подтвердит увиденное. Если промолчит, признает обязательство торговли. Оба пути оставляли прилавку власть решать, что считается сделкой.

Тогда она сделала то, чему учила детей в лодке.

— Я лоцман Вея, — сказала она собственной тени. — Мне не нужен чужой секрет. Ты согласна нести увиденную часть до выхода?

Тень поднялась с мостовой. Нить рынка тянулась от её запястья к прилавку. Тёмная Вея посмотрела на Риалу, затем кивнула.

- Она не субъект договора, — сказала торговка.
- Когда вам нужно продавать секрет, тень считается отдельным хранителем. Когда она отказывается от сделки, внезапно становится частью владельца?

Тарен тихо добавил:

- Зафиксируйте возражение рынка. Дословно.

Риала вынула из кармана наборную пластину и прижала к ней большой палец. На металле появилась фраза торговли.

Десятая тень за прилавком перестала перебирать карточки.

- Уходите, — сказала женщина.
- Сначала снимите нить, — потребовала Вея.

— Она исчезнет на границе.

— Сначала.

— Вы не в положении ставить условия.

Вея достала чёрную полосу-приглашение и поднесла её к синему огню фонаря.

— Это ваша квитанция и метка хранилища. Сгорит — цепочка оборвётся для всех, не только для меня.

Торговка впервые подалась вперёд.

— С ней сгорит право на ваш товар.

— Значит, вы потеряете возможность продать его мне.

— Вы потеряете запах дома.

Боль пришла быстро и точно. Вея снова ощутила мокрые листья, и на одно мгновение захотела согласиться на любую цену. Дом состоял из таких примет. Если отдавать их по одной ради правильных решений, однажды возвращаться будет не к чему.

Но если рынок мог отнимать выбор всякий раз, когда человек спасал другого, дорога домой становилась не домом, а поводком.

Она опустила край полосы в огонь.

— Стойте, — сказала торговка.

Десятая тень перерезала невидимую нить ногтем.

Серебряная черта исчезла с запястья Веи. Она убрала квитанцию от огня. Край почернел, но метка уцелела.

— Сделка закрыта без расчёта, — сказала Риала и прижала палец к пластине ещё раз.

— Сделка не открывалась, — возразила Вея.

Риала посмотрела на неё, затем исправила запись.

— Просмотр навязан. Обязательство отклонено. Владелец назвал границу.

Тарен не попросил показать пластину. Только спросил сестру:

— Ты хочешь, чтобы я знал формулировку границы?

— Формулировку — да. Содержание — нет.

— Я понял.

— Три года спустя.

— Да.

Риала отвернулась первой, но не ушла.

Они покинули рынок тем же переулком. На обратном пути никто не задавал вопросов. Вея чувствовала в своей тени спрятанную половину просмотра. Та шла рядом, не опережая и не отставая.

Улица Тихих Букв вернулась внезапно. За спиной вместо длинного рынка оказался тупик с кирпичной стеной.

Риала открыла типографию и впустила только Вею. На этот раз Тарен не пытался войти.

— Передайте ему, что завтра я дам показания о способе просмотра, — сказала Риала.
— Только о способе.

— Передайте сами.

— Вы его надзорное лицо.

— А вы его сестра. Обе роли не обязывают нас быть мостом, если берега могут говорить.

Риала долго смотрела на неё, потом открыла дверь.

— Тарен. Завтра в десять. Приходи без формы и без готового протокола.

— Приду, — ответил он с улицы.

Дверь закрылась.

Риала зажгла лампу над маленьким наборным столом.

— Что осталось у вашей тени?

— Я не знаю. И не стану спрашивать.

— Даже если там доказательство против хранилища?

— Вы не давали согласия.

Риала опустилась на табурет. Плечи у неё впервые сгорбились.

— Я думала, если секрет кто-то увидит, он уже перестанет быть моим.

— Увиденное принадлежит памяти того, кто увидел. Граница всё ещё принадлежит вам.

— Красивое правило.

— Пока только необходимое.

Риала положила наборную пластину между ними.

— На квитанции был знак артели. Если хотите понять цепочку, ищите не архив. Ищите оплату. Рынок всегда оставляет вторую квитанцию тому, кто получил свою долю.

Вея подумала о Неме, о правлении, о печати артели на лодке. Подозрение обрело направление, но ещё не имя.

— Можно забрать оттиск сегодняшней записи?

— Можно. Без моего старого секрета.

— Только способ просмотра, возражение рынка и закрытие без сделки.

Риала набрала строки вручную. Когда пресс опустился, буквы проступили не на бумаге, а в её тени. Затем тень отделила тонкий прямоугольник и вложила его в конверт.

— Невидимые чернила? — спросила Вея.

— Видимая граница.

На улице Тарен ждал под пустой вывеской. Вея вручила ему копию условий надзора для сверки пломб, но конверт оставила у себя.

— Полосу вы не выкупили, — сказал он.

— Нет.

— Почему?

— Цена дала бы рекам право звать меня.

— А просмотр?

— Навязан и закрыт без сделки. Риала расскажет о способе сама.

Он посмотрел на дверь типографии.

— Она разрешила вам назвать это навязанным?

— Это часть моей сделки, которой не было.

Тарен принял ответ. Не попытался обойти его другим вопросом.

Они дошли до канала молча. Здесь снова горели городские рассеиватели, и их тени исчезли. Только чёрная полоса в чехле отбрасывала тонкую линию сквозь кожу.

У моста Вея остановилась.

— Ключ, — сказала она.

Тарен вынул футляр. На внутренней стороне крышки больше не было отпечатка ладони. Зато под медной застёжкой обнаружилась узкая карточка, которой раньше не было.

Он открыл футляр над парашютом, чтобы оба видели содержимое.

На карточке стоял знак прилавка 108 и одна строка:

«Просмотр принят. Следующий секрет — инспектора».

Тарен побледнел, но карточку не спрятал.

— Я этого не заказывал, — сказал он.

— Я тоже.

Под белым светом карточка отбрасывала две тени. Одна тянулась к Тарену. Другая — к запечатанной лодке у далёкого колодца сна.

Глава 4. Типография без ламп

Наутро улица Тихих Букв пахла мокрой золой.

Ночью прошёл короткий дождь, и вода собралась в углублениях литер над дверями. Днём вывески снова стали пустыми. Только над «Полями» матовое стекло было закрыто серой тканью, а на двери висел лист без единого знака.

Тарен пришёл без формы, как обещал. Серый сюртук не делал его менее похожим на инспектора: он всё равно стоял так, будто отвечал за расстояние между дверью и мостовой. Служебного футляра при нём не было.

— Где ключ? — спросила Вея.

— В опечатанном ящике у нотариуса Южного канала. До полудня его нельзя открыть без двух свидетелей.

Он протянул ей расписку. Вея прочла адрес, время и описание медного ключа. В графе «основание хранения» значилось: «Вероятность несанкционированной доставки рыночных предложений».

— Вы сами признали ключ ненадёжным.

— Я признал риск. Это не одно и то же.

— Для человека, которого этим ключом собирались обыскать, разница невелика.

— Поэтому ключ у нотариуса.

Вея вернула расписку. Это был второй проверяемый поступок Тарена в её пользу. От этого он не становился человеком, которому можно доверить карту, но переставал быть просто продолжением палаты.

Она постучала один раз.

Пресс внутри ответил тремя ударами. Дверь открылась, хотя Риала не показалась. За порогом начиналась темнота.

— Лампы погасли? — спросил Тарен.

— Их погасили, — донёсся голос сестры. — Входите и закройте дверь.

Вея шагнула первой. Вчерашние станки растворились в черноте. После белого уличного света она различала только бледный прямоугольник окна за серой тканью.

— Не включайте рассеиватель, — предупредила Риала. — И обычный огонь тоже.

Тарен прикрыл дверь.

Тьма стала полной.

Вея услышала, как рядом изменилось его дыхание. Не испуг — готовность к тому, что нельзя заранее увидеть. В темноте он не имел преимущества инспектора, а отсутствие собственной тени переставало отличать его от остальных.

— Зачем это? — спросил он.

— Чтобы показание принадлежало мне, а не тому, кто держит лампу.

Где-то слева щёлкнул рычаг. На месте дальнего прессы возникли тонкие серебряные линии. Они не освещали помещение, лишь обозначали края наборной формы и руки Риалы над ней. Вея видела пальцы, но не лицо.

— Рыночная квитанция печатается в присутствии направленной тени, — сказала Риала. — При обычной лампе оттиск достаётся владельцу самого сильного источника света. При рассеивателе не возникает вовсе. Поэтому мы обойдёмся без ламп.

— Чем проявлены линии? — спросила Вея.

— Чернилами, которые помнят тень сажи. Они видят границу предмета, но не его содержание.

— Это и есть ваше показание?

— Это способ его получить. Подойдите к столу. Тарен, остаюсь у двери.

Он не двинулся.

Вея пошла на серебряный контур, выставив ладонь перед собой. На третьем шаге пальцы коснулись верёвки, протянутой поперёк комнаты. Она провела её до стола. Риала предусмотрела путь, по которому не требовалось видеть ни шкафов, ни чужих заказов.

— Положите конверт сюда, — сказала печатница.

Вея вынула вчерашний оттиск. Риала подложила под него плотный лист и повернула колесо. Пресс опустился почти бесшумно.

Сначала на бумаге ничего не появилось. Потом серебряные строки отделились от металла и зависли над столом.

«Прилавок 108 предложил бесплатный просмотр полосы обратного пути».

«Вместо заявленного товара предъявлен секрет третьего лица».

«Граница допустимого раскрытия названа владельцем после просмотра».

«Навязанное обязательство отклонено. Сделка не открывалась».

Риала держала руки по обе стороны листа.

— Подтверждаю способ просмотра и эти четыре обстоятельства, — произнесла она.
— Не подтверждаю содержание секрета, личность спасённых людей, подлинность увиденных документов и чью-либо виновность по старому делу.

У двери скрипнула половица.

— Я услышал границу, — сказал Тарен.

— Тогда повтори её без добавлений.

Он повторил почти дословно. Не заменил «не подтверждаю» на привычное служебное «отказывается сообщить». Вея заметила эту точность и одновременно заметила, как сильно ей хотелось счесть её достаточной. Желание было опаснее симпатии: симпатия хотя бы честно называла себя.

Риала вложила чистый лист под вторую плиту.

— Теперь доказательство цепочки. Чёрную полосу.

Вея достала приглашение рынка, обгоревшее с края. На нём по-прежнему не было видимых знаков, кроме номера прилавка. Она положила его в очерченный серебром прямоугольник.

— Вчера вы сказали, что знак артели не показывает направление передачи, — напомнила она.

— Потому что смотрела на одну квитанцию. У всякой доли есть зеркальная запись. Первая называет участников. Вторая отвечает, кто заплатил, а кто получил.

— Где вторая?

— У получателя доли. Но печатная форма помнит, сколько раз её использовали.

Риала провела пальцем над обгоревшим краем, не касаясь его.

— Эта квитанция была третьим оттиском. Значит, существует исходник, долевая копия и ваше приглашение. Если я воспроизведу давление формы, чернила покажут различия между ними.

— Цена? — спросила Вея.

Риала задержала руку.

— Один знак исчезнет с приглашения. Возможно, тот, который ведёт к вашей примете. Запах дождя, мокрых свай и раздавленных листьев поднялся из памяти с жестокостью голода.

— Тогда нет.

Риала не стала убеждать.

— Есть другой способ. Нужен предмет получателя доли.

— Мы не знаем получателя.

— Знаем круг. Хранилище. Посредник без тени. Артель. Принесите по предмету от каждого, но такому, который они сами выпустили в оборот. Не украденную вещь, не личный волос и не след с порога. Письмо, жетон, квитанцию об оплате, официально выданную печать. Если тень формы узнает одного из них, она покажет направление.

Тарен заговорил из темноты:

— У меня есть старый отказ хранилища по делу Риалы.

— Нет, — сказала сестра.

— Документ выдан мне официально.

— Он относится к моему делу.

— Я закрою текст и оставлю только печать.

— Нет.

Слово легло между ними без объяснения. Вея дождалась, пока тишина перестанет требовать, чтобы кто-нибудь её заполнил.

— Для проверки хранилища подойдёт карточка из футляра? — спросила она.

— Если она ещё существует.

Тарен ответил не сразу.

— Вместе с ключом у нотариуса.

— Заберём при свидетелях после полудня, — решила Вея. — От артели у меня есть официальное уведомление о печати на лодке. Я получила его вчера у колодца.

— Оно у вас? — спросила Риала.

Вея ощупала внутренний карман плаща. Сложенный вчетверо лист нашёлся под лицензией. Она забыла о нём после рынка.

Риала приняла лист деревянными щипцами и положила рядом с чёрной полосой. Серебряные контуры над прессом дрогнули. На мгновение знак перечёркнутого весла проступил в воздухе, затем перевернулся.

Под ним возникла стрелка.

Она шла от рынка к артели.

— Получатель, — сказала Риала.

У Вей пересохло во рту.

Подозрение на Нему было чувством, которому можно возразить. Стрелка была следом сделки.

— Это доказывает, что артель получила долю? — уточнила она.

— Доказывает направление одной передачи между этой формой и печатью уведомления.

Не сумму, не основание, не имя человека.

— Этого хватит для проверки счётов, — сказал Тарен.

— Которую вы начнёте после показаний Риалы? — спросила Вея.

— После регистрации оттиска.

— Тогда хранилище узнает о нём раньше, чем мы увидим долевую копию.

Он помолчал.

— По закону я обязан внести доказательство до конца смены.

— А по условиям надзора вы обязаны не передавать ключ в хранилище без моего согласия. Вы уже признали, что оттуда пришло рыночное предложение. Кому именно вы собираетесь нести оттиск?

— В городскую палату есть независимая канцелярия.

Риала коротко рассмеялась.

— Та самая, где каждый вечер меняют бумагу на чистую, если утром на ней появилась неудобная тень?

— Уничтожение зарегистрированного документа оставляет номер.

— Номер не возвращает содержание.

— Достаточно, чтобы начать разбирательство.

— Для тебя разбирательство — начало. Для нас — время, за которое рынок сменит улицу.

Тарен сделал шаг от двери и остановился у верёвки.

— Чего ты хочешь от меня?

— Я хочу, чтобы ты не спрашивал меня, как поступить с моим показанием. Я уже сказала: напечатаю его на своих условиях.

— Я спрашиваю не как брат.

— Именно поэтому ответ тот же.

Вея видела только серебряные руки Риалы. Они лежали на столе спокойно, но большой палец тёр пятно чернил на указательном.

— Нам нужны два экземпляра, — сказала Вея. — Один Риала сама подаст в канцелярию в выбранное ею время. Второй останется в типографии. Я возьму только отдельный оттиск направления платежа без её показаний. Тарен зарегистрирует его как полученный от меня.

— Тогда вас спросят об источнике, — сказал он.

— Я назову типографскую экспертизу. Не её старое дело.

— Канцелярия потребует эксперта.

— И получит мой ответ лично, — сказала Риала. — Не через лощмана и не через тебя.

Тарен медленно выдохнул.

— Хорошо.

— Это не разрешение, которого я ждала.

— Знаю. Это сообщение о том, что я понял порядок.

Серебряные пальцы Риалы перестали тереть пятно.

Она сняла с полки три листа — Вея услышала шорох — и один за другим пропустила их через пресс. Над первым возникли четыре подтверждённые строки и четыре границы показания. Над вторым — то же. На третьем осталась только стрелка от маленького знака прилавка к перечёркнутому веслу.

— У каждого оттиска должна быть тень хранителя, — сказала Риала. — Иначе при рассеянном свете запись распадется.

— У Тарена тени нет, — напомнила Вея.

— Поэтому свой экземпляр он не получит.

Она положила ладонь на первый лист. Из темноты у её локтя выступила тень — густая, с чётким профилем. Тень накрыла строки, и бумага стала обычной серой бумагой.

Второй лист Риала подвинула к Вее.

— Только направление платежа. Если ваша тень согласится.

Вея опустила руку. Собственная тень поднялась по краю стола, хотя ни одна лампа не горела. В ней оставалась половина вчерашнего просмотра — подробности, от которых Вея отказалась. Теперь тёмная ладонь задержалась над оттиском, словно взвешивая ещё одно чужое обязательство.

— Ты можешь отказаться, — сказала Вея.

Тень коснулась бумаги.

Серебряная стрелка исчезла. Лист стал холодным, как речная карта перед входом в сон.

— Спасибо, — сказала Вея.

Тень ответила одним движением пальцев: не благодарность, а долг. Вея узнала жест, которым сама напоминала пассажирам закрепить лодку.

Третий лист Риала оставила чистым.

— Копия будет ждать независимого хранителя, которого выберу я.

— Кого? — начал Тарен.

Риала даже не повернула головы.

— Я отзываю вопрос, — сказал он.

— Поздно, но принято.

Она подняла первый оттиск и пошла через помещение. Серебряные линии её рук погасли. В темноте щёлкнул замок шкафа.

Вея осторожно сложила свой лист. Чёрное приглашение рынка осталось на столе невредимым.

— Карточка обещала следующий секрет инспектора, — сказала она. — Можно проверить, что именно к ней привязано, не открывая просмотр?

— Можно проверить право предложения, — отозвалась Риала от шкафа. — Если оно повторяет вчерашнюю квитанцию, рынок пытается собрать цепь: чужой секрет открывает доступ к следующему. Так покупатели становятся продавцами, даже если ничего не пересказывают.

— А если право другое?

— Тогда узнаем цену до открытия. Больше ничего.

Тарен приблизился к верёвке, но не переступил её.

— Если секрет мой, согласие на проверку даю я.

— Рынок не написал, что секрет ваш, — сказала Вея. — Он написал «инспектора». Это может быть секрет, который вы храните о ком-то другом.

— Поэтому карточку не открываем до проверки формулировки, — подвела итог Риала.

Тарен согласился. Вчера он бы, вероятно, назвал свою готовность достаточным основанием. Сегодня позволил различию остаться различием.

Риала вернулась к столу и вложила чёрную полосу в конверт.

— Теперь уходите. Мне нужно подготовить мастерскую к обыску.

— Вы ждёте обыск? — спросила Вея.

— В три часа ночи кто-то проверил все наружные замки. Не открыл, только приложил ключ по очереди.

— Официальный?

— Замки не умеют читать удостоверения.

Тарен спросил:

— Почему ты не сказала сразу?

— Потому что тогда ты превратил бы моё показание в плату за защиту.

— Я бы не...

Он оборвал себя.

— Что ты решила?

— Перенести формы. Работу оставить здесь. Если унесу всё, они узнают, что я испугалась. Если оставлю всё, заберут границы моих заказчиков.

— Вам помочь? — спросила Вея.

— С печатными формами — нет. Но через час у заднего канала будет ящик без надписей. Ему нужен лоцман до склада стекольщиц.

— Обычная вода или сонная?

— Обычная. Поэтому ваша лицензия никого не заинтересует.

— Приду.

— У вас встреча в артели, — заметил Тарен.

— Правление собирается в полдень. Ящик будет на складе раньше.

— Я могу доставить его.

— Нет, — одновременно сказали обе женщины.

В темноте возникла короткая пауза.

— Понял, — ответил он.

Риала провела их к двери по другой верёвке. Перед порогом она задержала Вею за рукав.

— Не показывайте Неме стрелку первой.

— Почему?

— Человек, который не знает о доказательстве, отвечает на вопрос. Человек, который знает, отвечает доказательству.

— Вы считаете, что долю получила она?

— Я считаю, что артель — это больше одного человека. И что вы хотите заранее выбрать ту правду, после которой наставницу можно будет простить.

Слова попали точнее, чем хотелось Вее.

— Вы не знаете Нему.

— Зато знаю старшего родственника, который оправдывает контроль заботой.

— Она мне не родственница.

— Тогда вам будет легче.

Вея не ответила.

Дверь открылась. Утренний свет показался грубым и плоским. Тарен прищурился, прикрыв глаза ладонью. Вея на миг увидела позади него тёмный силуэт, оставшийся внутри типографии.

Тень стояла у самой верёвки.

Она была выше тени Вей и держала голову чуть набок — так Тарен слушал, когда не хотел перебивать. На её груди мерцал знак закрытого глаза, тот самый, которым в цепочке обозначалось хранилище.

Вея моргнула. Риала уже закрыла дверь, и силуэт исчез.

— Что вы увидели? — спросил Тарен.

Это был прямой вопрос, и Вея могла солгать. Могла сказать, что свет ударил в глаза. Могла отложить признание до тех пор, пока оно не станет полезным.

Она вспомнила, как Риала разделила показание и доказательство. Не всякая правда должна сообщаться сразу. Но границу следовало назвать тому, кого она касалась.

— В типографии была тень, похожая на вашу, — сказала Вея. — Я видела её второй раз. В первый — в воде колодца. Пока я не знаю, ваша ли она и можно ли ей доверять. Я не буду скрывать сам факт, но не позволю вам использовать мою тень для поиска без её согласия.

Лицо Тарена стало неподвижным.

— Где она стояла?

— За дверью, у верёвки. На ней был знак хранилища.

Он посмотрел на закрытую типографию. Рука поднялась к двери и остановилась.

— Риала не разрешала вам возвращаться, — сказала Вея.

— Знаю.

Он опустил руку.

— Три года мне показывали акт уничтожения, — произнёс он. — В нём было четыре подписи. Я проверил каждого подписанта.

— Вы видели уничтожение?

— Нет.

— Значит, сейчас у нас не предательство и не возвращение. Только ещё один неподтверждённый след.

— Для вас.

— Для расследования. Ваш страх может называть его как хочет.

Тарен посмотрел на неё. В серых глазах впервые не было ни служебной оценки, ни приготовленного возражения.

— Хорошая граница, — сказал он.

Вея спрятала оттиск глубже во внутренний карман.

— В полдень я спрошу правление, кому рынок платил за мою дорогу.

— Вы уверены, что хотите идти одна?

— Нет. Но вы придёте как инспектор, и они начнут отвечать вашему жетону. Мне нужно, чтобы сначала они ответили мне.

— А если не отпустят?

— Тогда в половине первого войдёте и зададите собственные вопросы.

Он кивнул.

Это было не согласие на её безопасность и не обещание спасения. Просто предел, который они установили вместе: до половины первого решение принадлежало Вее.

Она пошла к заднему каналу за ящиком Риалы. На другой стороне улицы белели окна артельного дома. В одном из них кто-то погасил рассеиватель, и за стеклом на секунду появилась тень перечёркнутого весла.

Потом свет снова стал ровным.

Глава 5. Семь полос домой

Ящик Риалы оказался достаточно тяжёлым, чтобы обычная вода вспомнила о течении.

Вея поставила его на дно своей узкой служебной лодки и закрепила четырьмя ремнями. Ящик был без надписей, как обещала печатница, но вдоль крышки тянулся ряд мелких отверстий. Сквозь них пахло железом, сажей и сухой бумагой.

— Не открывать, не переворачивать, не ставить под прямой свет, — перечислила Риала с причала. — На складе стекольщиц спросите госпожу Хейр. Только её.

— Если меня остановят?

— Это печатные формы для свадебных приглашений.

— Правдивый ответ?

— В том числе.

Риала протянула ей маленький медный грузик.

— Покажете Хейр. Она вернёт другой.

— Пароль в виде сделки?

— Подтверждение, что ящик дошёл к тому человеку. Вы вправе отказаться.

Вея взвесила грузик на ладони. Он был выточен в форме закрытого глаза, но перечёркнут тонкой насечкой.

— Согласна доставить и вернуть подтверждение. За содержимое отвечаете вы.

— Да.

Так звучала граница, когда её называли до опасности, а не после.

Риала отвязала лодку. Ни слова о брате не сказала.

Задний канал шёл между глухими стенами мастерских. Здесь не было колодцев сна, и вода вела себя честно: толкала борт, отражала трубы, несла щепки к восточному шлюзу. Вея работала шестом и думала о семи полосах карты.

Три хранились в нише под кроватью. Одна — в шве дорожного плаща. Одна была зашита в кожаную накладку весла. Шестую держала Нема в сейфе артели — не как владелица, а как аварийный свидетель. Седьмую Вея всегда носила при себе.

Чёрное приглашение рынка повторяло её ширину и длину. Но настоящая полоса, показанная на прилавке, пахла утраченной пристанью. Если рынок получил не память, а часть карты, одна из семи уже могла быть подменена.

У склада стекольщиц госпожа Хейр не задала ни одного вопроса. Высокая женщина с обожжёнными предплечьями сверила медный грузик, велела двум работницам унести ящик и вернулась с таким же грузиком, только открытый глаз на нём был перечёркнут дважды.

— Риала здорова? — спросила она.

— Это вопрос к Риале.

Женщина кивнула.

— Хороший ответ.

До правления оставалось больше часа. Вея направила лодку к дому над прачечной, где снимала две комнаты.

Хозяйка встретила её на лестнице с тазом мокрых простыней.

— К вам ночью приходили, — сообщила она. — Вежливый человек. Даже обувь вытер.

— Имя назвал?

— Сказал, из службы света. Проверка рассеивателей.

— Вы впустили?

— У него был ключ от внешней двери.

Вея поднялась быстрее, чем следовало показывать.

Замок её комнаты не был взломан. Нить на косяке осталась целой, крупинка синего мела лежала в петле. Вея вошла, закрыла дверь и только потом заметила, что рассеиватель на потолке повернут на толщину пальца.

Служба света всегда ставила стеклянную метку на корпус после проверки. Метки не было.

Она не стала искать следы. Человек, который пришёл с подходящим ключом, рассчитывал либо ничего не оставить, либо оставить именно то, что она найдёт.

Вея задвинула ставни и накрыла рассеиватель плотным колпаком. Комната погрузилась в сумрак. Её тень вытянулась от узкой щели у пола.

— Проверяем карту, — сказала Вея. — Ты можешь не участвовать.

Тень отделила ладонь от пола и показала на кровать.

Три полосы из ниши лежали в свёртке с сухим речным песком. Пломба из воска не была сломана, узел сохранил её особую петлю. Вея не развязала его, а надрезала ткань сбоку.

Первая полоса была цвета утренней воды. На ней хранился звон колокольчика над дверью материнской кухни.

Вторая — тёмно-зелёная. Она помнила изгиб ручья за домом.

Третья — серая, с прожилками, похожими на дождь. Вея коснулась её и услышала голос матери: не слова, только тембр, которым та звала лодки с дальнего берега.

Все три были подлинными.

Полоса из шва плаща отозвалась тяжестью корзины у третьей сваи. Полоса в весле — холодом дверной щеколды зимой. Седьмая, которую Вея носила на теле, хранила имя пути. Его она не произносила даже мысленно, лишь проверила сопротивление: карта узнала её и стала тёплой.

Шесть.

Полоса у Немы должна была помнить запах пристани после дождя.

Именно ту приметку Вея потеряла в больничной реке. Именно её рынок выставил на продажу.

Она снова завернула карту, но уже отдельно, и отдала своей тени седьмую полосу. Тень спрятала её в грудь, где бумага стала тёмной чертой.

— До вечера, — сказала Вея. — Если не захочешь вернуть, сначала назови цену.

Тень кивнула.

В артельном доме к полудню открыли все окна. Правление собиралось в зале второго этажа, над воротами, через которые лоцманы спускали лодки к главному каналу. На лестнице пахло мокрой пенькой и крепким чаем.

Секретарь попытался остановить Вею у дверей.

— Ваше дело поставлено шестым.

— Моё дело началось вчера, когда артель опечатала лодку по чужому требованию.

— Распоряжение председательницы.

— Поэтому начнём с неё.

Вея вошла.

За длинным столом сидели девять членов правления. Нема Орс занимала не председательское кресло во главе, а обычное место у окна. Перед ней лежала папка Вей и чашка нетронутого чая.

— Я велела пропустить её, — сказала Нема секретарю.

— Ты велела поставить меня шестой.

— Чтобы дать тебе время остыть.

— Моя лодка всё ещё под печатью. Остывает она.

Несколько лоцманов отвели глаза. Нема указала на свободный стул.

— Садись.

— Постою.

— Как хочешь.

Вея положила на стол уведомление об опечатывании, но оттиск Риалы оставила в кармане.

— Кто выпустил этот документ?

— Канцелярия артели, по моему распоряжению, — ответила Нема.

— На каком основании?

— Инспектор сообщил о неучтённом выходе из детского сна и возможном повреждении обратной карты.

— Инспектор не требовал опечатывать лодку. Он прямо сказал это у колодца.

Нема посмотрела на остальных.

— Нам не требуется требование палаты, чтобы остановить опасный маршрут.

— Как ты узнала о повреждении карты до того, как я вышла из воды?

Тишина изменилась. Только что правление слушало спор ученицы с наставницей. Теперь каждый за столом проверял собственную память.

Нема не потянулась к чашке.

— Хранилище уведомило артель о срабатывании служебного ключа.

— Письменно?

— Срочным сигналом.

— Покажи запись.

— Она в журнале дежурного.

— В каком журнале?

Секретарь у двери опустил взгляд.

Нема сказала:

— В нижней канцелярии.

— Принесите, — попросила Вея секретаря.

Он посмотрел на председательницу.

— Принесите, — повторила Нема.

Пока шаги стихали на лестнице, Вея вынула шесть полос и разложила их на столе. Между каждой оставила расстояние в ладонь.

— Где седьмая? — спросила Нема.

— У свидетеля.

— Какого?

— Которого выбрала я.

В глазах наставницы мелькнула обида, почти материнская. Раньше она заставила бы Вею оправдываться. Теперь Вея узнала в этом чувстве рычаг и не стала за него хвататься.

— Шестая полоса хранится в сейфе артели, — сказала она. — Я хочу получить её сейчас.

— При повреждённой карте выдача запрещена.

— Я владелица карты.

— А артель — аварийный хранитель.

— Хранитель удерживает полосу при моей смерти или утрате дееспособности. Ни того ни другого не произошло.

Седой лоцман в конце стола кашлянул.

— Устав на её стороне, Нема.

— Устав писали до появления рынка маршрутов, — ответила та.

Вот оно: не отрицание рынка, а ссылка на его существование как на известное обстоятельство.

— Как давно артель знает, что маршрутами торгуют? — спросила Вея.

Нема поняла ошибку. Лицо её осталось спокойным, но ладонь накрыла папку.

— Мы знаем, что палата собирает нелегальные карты.

— Я спросила не про палату.

Секретарь вернулся с толстым журналом. Положил его на стол и раскрыл на закладке. Между записями о выдаче лодок и смене дежурных имелась пустая строка. Бумага там была светлее, словно чернила вывели химическим раствором.

— Срочный сигнал пришёл во сколько? — спросила Вея.

— Около восьми утра, — сказал секретарь.

— Я вышла из сна в восемь семнадцать.

Он побледнел.

Нема закрыла журнал.

— Все, кроме Веи, выйдите.

— Нет, — сказала Вея.

— Это касается её личной карты.

— Это касается печати артели, — возразил седой лоцман. — Мы останемся.

Нема посмотрела по лицам и поняла, что председательского большинства у неё сейчас нет.

Вея вынула серый оттиск. Положила поверх уведомления. При дневном рассеянном свете лист казался пустым.

— Этот документ соприкасался с печатной формой рыночной квитанции. Экспертиза показала направление передачи: от рынка к артели. Кто получил долю?

— На бумаге ничего нет, — сказал молодой член правления.

— Потому что запись хранит моя тень. Для полного предъявления нужен направленный свет и согласие хранителя. Пока я называю только вывод.

Нема посмотрела не на лист, а на ноги Веи, где при рассеивателях не было тени.

— Ты принесла в правление непроверяемое обвинение.

— Я принесла вопрос. Ты отвечаешь доказательству, а не мне.

Риала оказалась права.

Вея убрала оттиск.

— Начнём снова. Семь лет назад палата пригрозила лишить артель доступа к городским колодцам. Что вы отдали за сохранение лицензий?

Нема молчала.

— Пять лет назад после обвала Южного сна отзывали проверку ваших счетов. Чем заплатили?

— Это догадки.

— Вчера служебный ключ знал форму моей карты. Кто передал описание?

— Я никому не передавала твою карту.

— Не всю. Полосу.

Нема встала.

— Заседание окончено.

Никто другой не поднялся.

Седой лоцман тихо спросил:

— Нема, у рынка есть наши маршруты?

Она закрыла глаза.

Когда снова открыла, смотрела только на Вею.

— Не маршруты. Право одного прохода.

Вея почувствовала, как все шесть полос на столе стали холоднее.

— Объясни.

— Двенадцать лет назад палата предложила единый реестр сонных рек. Мы отказались. Тогда у трёх колодцев сменили замки, а наших лоцманов начали задерживать за каждый несовпавший штамп. Рынок предложил защиту.

— Какую защиту может продать рынок?

— Он покупал у служащих сведения о проверках. Предупреждал нас. Возвращал изъятые лицензии. Взамен артель отдавала право пройти каждой десятой дорогой один раз.

— Вместе с пассажирами?

— Без пассажиров. После завершения рейса. Пустой след сна.

— Пустых следов не бывает. В реке остаётся память лоцмана о возвращении.

— Мы не знали этого сначала.

— А когда узнали?

Нема не ответила.

Вея услышала его в молчании: давно.

— Кто подписал договор? — спросил кто-то за столом.

— Я, прежний казначей и трое старших, — сказала Нема. — Двое умерли. Казначей уехал.

— Правление голосовало?

— Если бы сведения попали в протокол, палата получила бы основание закрыть артель.

Седой лоцман отодвинул чашку так резко, что чай выплеснулся.

— Ты двенадцать лет продавала наши следы без согласия?

— Я двенадцать лет сохраняла вам работу.

— Ты сохраняла учреждение, — сказала Вея. — Не наше право выбирать цену.

Нема вздрогнула, словно именно от неё такого различия не ожидала.

— Без артели у тебя не было бы лицензии. Ни лодки. Ни возможности искать дорогу домой.

— Поэтому ты взяла часть этой дороги?

— Я взяла её на хранение.

— Принеси полосу.

— Вея...

— Сейчас.

Нема достала из-за воротника ключ от сейфа. Не отдала секретарю — сама пошла к железному шкафу в нише. Правление смотрело, как она открывает две дверцы, снимает пломбу с узкого пенала и возвращается к столу.

Пенал был тем самым: вязовое дерево, семь зарубок на крышке, печать Вей на замке. Печать выглядела целой.

— Я не открывала его с того дня, когда ты передала полосу, — сказала Нема.

— Откроем вместе.

Вея приложила палец к своей половине замка, Нема — к половине хранителя. Дерево раскрылось.

Внутри лежала полоса цвета речной глины.

Точно такая же, какую женщина в фиолетовой вуали показывала на прилавке сто восемь.

Вея не прикоснулась к ней. Наклонилась и вдохнула.

Ни дождя. Ни мокрых свай. Ни листьев.

Пахло сухим архивным клеем.

— Подмена, — сказала она.

— Нет.

Нема схватила полосу прежде, чем Вея успела остановить её. Бумага вспыхнула белым светом. По пальцам наставницы пробежали буквы, сложились на запястье в номер: 108.

Она уронила полосу.

— Я не знала.
— Но дала доступ.
— Не к личным картам. Только к пустым следам.
— Где вторая квитанция?
— Какая квитанция?
— Та, которую рынок оставляет получателю доли.
Нема прижала ладонь к запястью, закрывая номер.
— Договор продлевался без бумаги. Посредник приходил раз в год.
— Без тени?
Её взгляд метнулся к окну.
— Да.
— Имя.
— Он не называл.
— Тогда описание.
— Каждый раз другой человек. Женщина, мужчина, старик, однажды ребёнок. Ни у кого не было тени.
— Тени можно изъять. Лица можно менять. Что оставалось тем же?
Нема медленно опустила руку.
— Голос. И запах полыни.
Вея завернула подменённую полосу в уведомление артели. От прикосновения пальцев бумага не отозвалась.
— Настоящая полоса у рынка. Эта пришла из хранилища. Ты сохранила печать на пенале, но позволила кому-то заменить содержимое.
— Сейф открывается двумя ключами.
— Второй у кого?
Нема посмотрела на секретаря.
Тот отступил к двери.
— Канцелярский ключ хранится в запечатанном шкафу, — сказал он. — Я получаю его при двух дежурных.
— Сегодняшний журнал уже чистили, — напомнила Вея.
Молодой член правления встал и закрыл дверь изнутри.
— Никто не выходит до проверки ключей.
— Откройте, — приказала Нема.
— В половине первого сюда придёт инспектор, — сказала Вея. — До этого времени мы можем выяснить сами, где копия договора. После — объяснять будете палате.
Нема посмотрела на часы. Было двенадцать двадцать две.
— В нижнем архиве, — произнесла она. — За фальшивым корешком книги пошлин. Я сохранила первый договор.
— Почему?
— Потому что уже тогда не доверяла рынку.
— Но продолжала платить.
— Потому что ещё меньше доверяла палате.
Вея собрала шесть подлинных полос. Убрала их в разные карманы. Подмену оставила на столе, не выпуская из виду.
— Недоверие не становится согласием остальных только потому, что ты председательница.
Снизу хлопнула дверь.
По лестнице поднимались размеренные шаги Тарена.

Нема выпрямилась и снова стала похожа на женщину, которая двенадцать лет удерживала артель от закрытия. Но номер прилавка светился у неё на запястье, и все за столом его видели.

— Что ты скажешь инспектору? — спросила она.

— Что артель получала долю рынка маршрутами. Что моя полоса подменена. Что у тебя есть первый договор.

— Тогда палата закроет нас до вечера.

— Возможно.

— Ты уничтожишь собственную профессию.

Вея посмотрела на пустое место между шестью полосами.

— Нет. Я выясню, как выкупить её у тех, кто решил, будто профессия важнее людей, которые ею занимаются.

Ручка двери опустилась.

На пороге появился Тарен. Он не вошёл сразу, увидев запертую дверь, членов правления вокруг стола и белую подмену в центре.

— Половина первого, — сказал он.

— Войдите, — ответила Вея. — Но сначала снимите жетон.

Тарен отстегнул серебряный знак и положил его на пол за порогом.

Только после этого он вошёл.

Глава 6. Тень, которая предала

Жетон Тарена остался за порогом. Вея изложила только проверяемое: договор, десятую дорогу, подменённую полосу и тайник в нижнем архиве.

— Вы просили свидетеля, — сказал он.

— Свидетеля. Не следователя.

В архив спустились Вея, Тарен, Нема и двое выбранных правлением лоцманов. За фальшивым корешком книги пошлин лежала жестяная трубка с двумя печатями. Знак казначея был стёрт так, будто из воска вынули не оттиск, а смысл.

Нижний архив строили ещё до того, как город запретил тени. Ступени здесь были стёрты с правого края: прежние писцы спускались, придерживая связки книг левой рукой, и годами выбирали одну сторону лестницы. На стенах сохранились ниши для масляных ламп. Теперь в каждой стоял рассеиватель, превращавший тесный коридор в место без углов и глубины.

Вея остановилась у последней ступени.

— Их можно погасить?

— Положение требует непрерывного света, — ответил Тарен.

— Я спрашиваю не положение.

Он осмотрел медные провода. Потом повернул ключ в распределительной коробке. Три верхних пластины померкли, нижняя осталась гореть над дверью.

— Эта аварийная. Её нельзя отключить отсюда.

— Тогда все стоят вне луча. Если внутри есть отделённая тень, свет может удерживать её против воли.

Один из лоцманов, седой Арлен, недовольно повёл плечом.

— Мы пришли за бумагой, не освобождать преступников.

— Мы ещё не знаем, кто здесь преступник, — сказала Вея. — И тень не становится виновной оттого, что её заперли в книге.

Нема молча переставила аварийный фонарь так, чтобы луч упирался в пустую стену. Это было полезное действие, но Вея не позволила ему притвориться извинением.

Вторая свидетельница, молодая лоцманка Эста, достала рабочий журнал.

— Что именно мне записывать?

— Только действия, которые вы видите сами. Не наши догадки и не содержание, которое вам не разрешили слышать.

— Если бумага заговорит?

— Запишите, что она говорила. Но не повторяйте слова за пределами этой комнаты, пока не станет ясно, кому они принадлежат.

Эста вывела дату и перечислила присутствующих. Возле имени Тарена оставила пустое место для должности.

— Инспектор? — спросила она.

— Свидетель, — одновременно ответили Вея и Тарен.

Это совпадение не вернуло доверия. Оно только обозначило правило, которое он пока соблюдал.

Тарен поставил вокруг трубки три банки с солью и отвернул зеркала к стене.

— Старые рыночные листы назначают долг первому читателю.

— Откуда вы знаете?

— Из служебной инструкции.

Ответ был точным и недостаточным.

— Прочтите вслух ту часть инструкции, которая не раскрывает чужого секрета, — попросила Вея.

Тарен не потянулся за книжкой.

— Инструкция запрещает выносить её из палаты.

— Значит, мы должны поверить вашей памяти.

— В этом пункте — да.

— Нет, — сказала Эста и закрыла журнал ладонью. — Тогда я отмечу, что способ защиты предложил человек, заинтересованный в содержимом находки, без проверяемого основания.

Тарен взглянул на неё с неожиданным уважением.

— Отметьте. И ещё: соль не удерживает тень. Она показывает, пересекла ли та назначенную границу. Зеркала возвращают направленный приказ отправителю.

— Кому именно?

— Тому, кто произнесёт его здесь.

Вея переставила одну банку ближе к двери, оставив между белой полосой соли и стеной разрыв шириной в ладонь.

— Выход, — объяснила она. — Нельзя называть границей круг, из которого нельзя отказать выйти.

Нема хотела возразить, но посмотрела на жестяную трубку и промолчала. Эста внесла в журнал и это.

Вея перерезала шнурок. Внутри лист оказался свёрнут вокруг плоского чёрного пальца. Палец разогнулся, коснулся пола, и по стене поднялась человеческая тень — плечами уже Тарена, с привычно склонённой вправо головой.

— Ты опоздала, — сказал инспектор.

Тень раскрыла ладонь. В ней лежала карточка: «Следующий секрет — инспектора».

— Она была в вашем футляре, — сказала Вея. — Как попала к ней?

Тарен не ответил.

Голос тени прозвучал из кладки:

— Я продала секрет по приказу Тарена Вея.

— Это правда? — спросила Вея.

— Я приказал унести секрет из палаты. Не продавать.

На стене возникли слова: «ДОСТАВИТЬ ТОМУ, КТО СМОЖЕТ СОХРАНИТЬ».

— Дословно?

— Да. Я не знал, что рынок платит теням отдельностью.

«ОН ЗНАЛ О ПРИЛАВКЕ».

Тарен побледнел.

— Что вы знали?

— Что там покупают изъятые секреты. Посредник обещал спрятать приказ Риалы от палаты. Я велел тени не отдавать содержание тому, кто потребует цену.

«ЦЕНОЙ БЫЛА Я».

Рынок предложил тени свободу в обмен на доступ. Приказ Тарена требовал сохранить секрет любой ценой и позволял самой выбрать способ.

— Свободу от чего? — спросила Вея.

Тень вытянула руку в сторону аварийного фонаря. Чёрные пальцы истончились в белом луче, зато на стене за ним проступил старый номер регистрационной книги.

Тарен шагнул к распределительной коробке.

— Не трогайте, — сказала Вея. — Сначала спросим её.

Она обратилась к тени:

— Ты хочешь, чтобы фонарь погасили?

Один удар ладонью о кладку.

— Это да или нет?

Тень повторила удар, затем перечеркнула его пальцем. Вея поняла не сразу.

— Ты не можешь ответить, пока свет держит тебя в старом приказе?

Два удара.

Тарен медленно отнял руку от ключа.

— У нас с ней было: один — да, два — нет.

— У вас было, — поправила Вея. — Сейчас она показала, что прежний язык тоже принадлежит приказу.

Собственная тень Вей отделилась от её сапога и легла поперёк аварийного луча. Свет не погас, но стал серым. Тень на стене выпрямилась. Впервые её плечи перестали повторять плечи Тарена: левое оказалось выше, кисти — уже, голова держалась прямо.

Она написала: «ОТ ПРИКАЗА БЫТЬ ИМ».

— Ими? — переспросил Арлен.

«ЕГО РУКАМИ. ЕЁ ТАЙНОЙ. ИХ УЛИКОЙ».

Тарен закрыл глаза. Вея ощутила желание смягчить вопрос, дать ему время, отвести свидетелей. Именно так начиналось превращение чужой боли в удобную тишину.

— Чьей тайной? — спросила она у тени. — Ты разрешаешь назвать только владельца, без содержания?

Тень указала на Тарена, потом медленно начертила в воздухе закрытую дверь.

— Риалы, — сказал он. — Тайна принадлежит Риале.

Эста записала не имя, а фразу: «Назван владелец; содержание не раскрыто».

— А «их уликой»? — спросила Нема.

Тень коснулась регистрационного номера. Под пальцами проявились три печати: палаты, хранилища и городского суда. Все три удостоверяли, что отделённый силуэт уничтожен.

— Они объявили тебя уничтоженной, пока держали здесь? — спросила Вея.

Тень провела черту от книги к жестяной трубке, затем к едва заметной щели за шкафом. Ответ был сложнее. Её прятали не всё время; ею пользовались как ходом между официальной записью и рынком.

— Сколько раз? — спросил Тарен.

Вея подняла ладонь.

— Она не обязана составлять для вас отчёт.

— Мне нужно знать ущерб.

— Риале тоже было «нужно знать», когда вы приказали за неё.

Тень отделила от стены тонкую ленту и протянула её к Эсте. Та не коснулась ленты, пока тень сама не положила конец на открытую страницу. На бумаге отпечатались четыре короткие черты и одна длинная.

— Это число? — спросила Эста.

Тень закрыла ладонью черты, затем открыла. Она разрешала зафиксировать след, но не толкование.

— Запишите форму без вывода, — сказала Вея.

Арлен шумно выдохнул.

— Так мы никогда ничего не расследуем.

— Расследование не даёт нам права превращать свидетеля в вещь, — ответила Вея. — Особенно если прежнее расследование уже сделало именно это.

— Вы объявили её уничтоженной.

— Она не вернулась. Палата потребовала закрыть дело.

— Чего вы ещё не сказали?

Он посмотрел на тень.

— Через месяц я встречался с ней здесь.

Он произнёс это ровно, однако его рука легла на край стола там, где тень не могла до неё дотянуться.

— По чьей инициативе? — спросила Эста.
— Моей. Я оставил в книге условный знак.
Тень резко перечеркнула ответ.
— Полуправда, — сказала Вея.
— Знак оставил я. Место выбрала она.
Тень больше не возражала.
— И вы пришли один?
— С двумя сотрудниками снаружи.
На стене появилось: «С ФОНАРЯМИ».
— Они знали, с кем вы встречаетесь?
— Я сказал, что проверяю канал утечки.
— То есть снова назвали её не лицом, а каналом.
Он посмотрел на силуэт. Тот отвернулся первым.
Нема отступила от шкафа.
— Вы знали о договоре?
— Увидел первую строку. Тень обещала отдать лист, если я перестану искать покупателя секрета Риалы. Я решил, что это ловушка.
«ОН ВЗЯЛ КАРТОЧКУ».
— Предупреждение о следующей продаже, — признал Тарен. — Я спрятал его в футляр ключа.
— На три года. Вы знали, что тень жива, до того, как назначили мне надзор. И знали о связи с артелью.
— Подозревал. Если бы сказал без доказательств, вы бы ушли одна.
— Это было моё решение.
— И вы могли погибнуть.
— Да. Взрослые люди иногда принимают решения с такой ценой.
— Инспекция существует, чтобы не позволять рынку использовать этот выбор.
— Тогда инспекция должна была дать мне сведения, которыми располагала. Вы сделали другое: оставили опасность при себе и назвали это защитой.
— Если бы Клайн узнала, что карточка у меня, она сменила бы место.
— Возможно. Но скрыть карточку от Клайн и скрыть её от меня — два разных действия. Тарен открыл рот и снова закрыл. Эста подняла перо над страницей.
— Записывать его объяснение? — спросила она.
— Запишите поступок, — сказала Вея. — Карточку хранил три года. О встрече не сообщил. Надзор назначил, зная о приглашении. Объяснение он сможет приложить отдельно и подписать своим именем.
Тарен кивнул.
— Я подпишу.
Тень на стене написала маленькими буквами: «ПОСЛЕ».
В этом слове не было ни прощения, ни насмешки. Только порядок: сначала решение за другого, после — признание, когда скрывать уже невозможно.
Вея вспомнила его честные поступки: опечатанный у нотариуса ключ, жетон за дверь, отказ войти к сестре. Они не исчезли. Но рядом стояла другая правда: он снова дозировал сведения, решая за женщину, что ей безопаснее знать.
Тень развернула договор. Чернила проявились руслами. От подписи артели шли десять дорог; девять гасли, десятая впадала в круг хранилища, а оттуда — к прилавку 108.
Вея наложила серый оттиск Риалы и спросила собственную тень:
— Покажешь только направление передачи?

Та коснулась её запястья дважды. Рисунки совпали: рынок платил артели предупреждениями, артель — маршрутами, хранилище принимало извлечённые приметы. В центре круга проступила подпись Серы Клайн.

— Тогда она была младшей архивисткой, — прошептала Нема.

Тень Тарена перевернула карточку. На обороте были знак сухого фонтана и время: час после закрытия дневных колодцев.

— Ловушка? — спросила Вея.

«И ПРИГЛАШЕНИЕ».

— Что продают?

Тень указала на инспектора и написала: «ПРИКАЗ, КОТОРЫЙ ЕЩЁ ДЕЙСТВУЕТ».

Тарен сорвал крышку с банки. Соль вспыхнула, зеркала бросили силуэт в камень. Тень рассыпалась на три пятна, успев прижать карточку к договору.

— Зачем?

— Она пыталась открыть содержание приказа.

— Или показать его. Для меня есть разница.

Вея свернула договор с оттиском.

— Сделаем три копии: правлению, Риале и независимому нотариусу.

— Вы распоряжаетесь бумагами артели? — устало спросила Нема.

— Предлагаю способ, при котором вы снова не станете единственным хранителем.

Нема кивнула.

На лестнице Тарен догнал Вею.

— У фонтана вам нужна защита.

— Вы больше не участвуете в моих маршрутах. Надзор окончен.

— Я не могу снять его устно.

— Оформите. До этого я не сообщу вам маршрут и не приму помощь, требующую доверия.

— Клайн использует вас.

— А вы использовали неполную правду, чтобы оставить меня рядом.

— Я пытался не дать вам погибнуть.

— Так вы объясняли приказ тени. Так объясняли молчание Риале. И сейчас снова объясняете мою границу своим страхом.

Он принял удар без привычной неподвижности.

— Вы правы.

— Этого недостаточно.

— Знаю. Приказ запрещает Риале покидать город без моего подтверждения. Я добился его после продажи секрета. Он всё ещё в реестре.

— Скажите это Риале сами. И отмените до встречи у фонтана.

— Постараюсь.

— Не обещайте старание вместо результата.

Вея прошла мимо. У нижней ступени узкая тень отделилась от камня и поползла к каналу. Вея не окликнула Тарена и не стала решать, должна ли его тень вернуться.

Она направилась в типографию — передать Риале копию договора и предупредить о приказе, который брат так и не отменил.

До закрытия дневных колодцев оставалось пять часов.

Глава 7. Право не освещать лицо

Риала выслушала Вею, не включая ни одной лампы.

В тёмной типографии пахло нагретым металлом и влажной бумагой. За стеной дневной колодец объявил четвёртый час до закрытия: в трубах ударил медный язык, и окна соседних домов стали белее. Город прибавлял света к вечеру, словно боялся, что ночь может начаться без разрешения.

Вея положила на наборный стол копию договора.

— Здесь только цепочка передачи, — сказала она. — Содержание твоего секрета не записано.

Риала провела пальцем над серым оттиском, не касаясь его.

— А приказ?

— Запрещает тебе покидать город без подтверждения Тарена. Он сказал, что отменит.

— Сказал мне?

— Мне.

Риала коротко рассмеялась.

— Значит, пока не сказал никому.

Она взяла узкую наборную линейку и выложила на ней литеры. Вея прочла зеркальную строку: «ОТМЕНА НЕ ЯВЛЯЕТСЯ РАЗРЕШЕНИЕМ».

— Напечатаешь?

— Сначала ему. Потом на каждом пропускном столбе, если он решит, что бумага в реестре важнее человека перед ним.

Вея кивнула. Она не предложила передать сообщение. Риала заметила это и отложила линейку.

— К сухому фонтану пойдёшь одна?

— Не одна. Без него.

Из-под наборной кассы вытянулась тень Веи. Днём она казалась тоньше и держалась ближе к ногам, но сейчас уверенно коснулась носком пола дважды.

— Это не ответ, — сказала Риала.

— Это граница ответа.

— Хорошая. Ненавижу её.

— Я тоже иногда.

Риала достала из ящика пачку маленьких карточек. На каждой была напечатана пустая рамка и одна строка: «Я разрешаю сообщить только...» Ниже оставалось место для руки владельца.

— После рынка я сделала пробу, — сказала она. — Людям нужна не только печать, которая доказывает нарушение. Нужны слова до нарушения.

— Возьму десять.

— Возьми все.

В пачке было пятьдесят.

До сухого фонтана Вея шла через кварталы, где свет уже терял полуденную жестокость. Рассеиватели над дверями загорались один за другим, стирая тени прохожих. Люди торопились закончить дела до закрытия колодцев: после последнего удара сонные переходы становились нестабильными, зато ночной рынок получал дороги, которых не было на картах.

Фонтан стоял на площади перед старым Домом мер. Когда-то четыре каменные женщины держали над чашей кувшины. Теперь кувшины были забиты световыми трубками, а в чаше лежал белый песок. Ни одно углубление не позволяло спрятаться темноте.

Вея пришла раньше назначенного часа. Обошла площадь, проверила стоки и обнаружила под северной лестницей сонный шов — узкую влажную линию, пахнущую железом и мятой. Река была рядом, но ещё не открылась.

У фонтана ждали девять человек. Они стояли порознь и делали вид, что разглядывают витрины. Старик с тростью. Молодая женщина в форме прачечной артели. Двое грузчиков. Девушка с повязкой на половине лица. Мать с мальчиком лет десяти. Худой мужчина в дорожном плаще и женщина со стеклянным футляром для лекарств.

Никто не был похож на Серу Клайн.

Вея села на край чаши и достала одну карточку Риалы.

— Лоцман? — спросила женщина с футляром, не приближаясь.

— Кто вам это сказал?

— Квитанция.

Остальные перестали притворяться.

У старика карточка рынка была зажата между двумя пальцами. У грузчиков — одна на двоих. Мать держала свою так крепко, что чёрный край отпечатался на ладони.

— Что вам обещали? — спросила Вея.

— Возврат, — сказал худой мужчина.

— Чего?

— Не ваше дело.

— Верно. Мне нужно знать только форму обещания.

Ответила девушка с повязкой:

— Один утраченный секрет в обмен на один проход. Без оплаты.

— Проход куда?

— Написано: «к владельцу».

Вея посмотрела на сонный шов. Девять пассажиров. Девять разных квитанций. Их собрали не как покупателей, а как груз, которому велели самому явиться на погрузку.

— Бесплатных проходов не бывает, — сказала она. — Особенно если цену не называют.

Мальчик потянул мать за рукав.

— Ты говорила, папа будет там.

Женщина прижала его к себе.

— Его тень исчезла после проверки, — сказала она Вее. — Нам вернут не секрет. Нам вернут доказательство, что он не ушёл.

— Я могу провести вас из опасного места, если оно откроется. Не могу обещать, что на другом берегу будет то, что вам продали.

— Тогда зачем вы здесь?

— Узнать, кто назначает маршрут моей картой.

Последний дневной колодец ударил. Световые трубки в кувшинах мигнули, и белый песок потемнел, будто намок снизу. По чаше прошла рябь.

На противоположной стороне площади появилась женщина в сером плаще. Лицо закрывала гладкая серебряная маска без прорезей. Она не сделала ни шага, но голос прозвучал возле самого уха Веи:

— Сера Клайн приветствует лоцмана Ладор. Проведите предъявителей квитанций, и ваша утраченная примета будет возвращена.

— Покажите примету.

— Она узнаваема только после просмотра.

— Тогда вы не доказали, что она у вас.

— Вы пришли. Этого достаточно.

Песок провалился. Каменная чаша стала глубокой, как шлюз, и наполнилась тёмной водой. На поверхности дрожали девять дверей. В каждой кто-то стоял спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.